

Потомкам

Шмуэль Янкев Имбер

Вы, кто придет, когда меня уже не будет,
Вам, кто потом будет жить!
Пусть в сердцах ваших оживет моя песня,
Однажды она оживет для вас!
Вам, кто придет в этот мир через годы,
Кто полный гнева и отчаяния
Встанет у наших могил,
Пусть стих мой расскажет о нашей боли!

Шмуэль Янкев Имбер родился в Галиции в 1889 году. Отец его был писателем, писал на языках идиш и иврит. Шмуэль Янкев получил еврейское образование – религиозное и светское. Жил он в Львове, Вене, Нью-Йорке и Кракове. Бывал в России и Палестине. В 1942 году умер в одном из концлагерей Польши. Светлая ему память...

Пусть звучат голоса жертв Холокоста

Вы держите в руках третий номер журнала "Судьбы Холокоста", посвященного страшной трагедии еврейского народа, произошедшей в XX веке. Уходят последние свидетели тех событий. Скоро, очень скоро не останется ни одного человека, который мог бы сказать: "Я это видел. Я был там..."

Мне очень хотелось бы успеть, собрать свидетельства всех тех, кто живет рядом, не очень-то стремясь поведать миру, что его судьба опалена огнем Холокоста. Те, кто прошел через ад во взрослом возрасте, уже ушли из жизни. Ныне свидетельствую те, у кого Катастрофа отняла детство и юность. Но от этого их свидетельства не становятся менее ценными.

Сотни тысяч их ровесников превратились в дым крематория. Им не было суждено повзрослеть, растить детей, радоваться внукам. Огромное количество еврейских родовых линий, еврейских судеб исчезло в пламени Катастрофы. И как же важно, чтобы мы помнили о них, чтобы как можно дольше и громче звучали голоса выживших жертв Холокоста.

Наш журнал существует на пожертвования самых разных людей: кто-то оплачивает производство, кто-то печать, кто-то интернет-сайт. Если бы не они, какие-то свидетельства, какие-то судьбы Холокоста остались бы неизвестными, а значит – история Катастрофы была бы не полной, в ней остались бы белые пятна, которые зияли бы словно черные дыры Вселенной – черные дыры, куда провалились шесть миллионов евреев.

Единственное, что спасает нас – это память. Я сама уже очень немолодой человек. Фашисты думали, что, сжигая нас, сожгут и память. Это не так. Многие люди во всех странах мира относятся к сохранению памяти о зверствах фашистов, о геноциде еврейского народа как к миссии. Моя миссия – рассказывать вам о судьбах тех выживших, чьи жизненные тропинки так или иначе пересеклись с моей. И я благодарна Всевышнему за то, что он дал мне такую возможность, такое "здание".

Руководитель проекта "Судьбы Холокоста"
Людмила Барановская

Автор и руководитель проекта

"Судьбы Холокоста"

Людмила Барановская

.....

Главный редактор

Ирина Грушина

Арт-директор

Рувим Киль

Ночью нас окружают тени мертвых. Горе тому, кто забудет! Горе тому, кто простит!... Предрассудки распространяются быстрее, нежели познания... микробы путешествуют без виз и без лицензий. Да не заразит мертвец ни единой живой души!

И. Эренбург

6-7 стр. СУДЬБЫ

«Каждый день я благодарю Б-га...»

8-13 стр. СУДЬБЫ

Человек, обхитривший смерть

14-15 стр. СУДЬБЫ

«Над могилой отца нет памятника...»

16-17 стр. УЛИКИ

По вопросу об использовании срезанных волос

Из протокола допроса перебежчика

Начальнику политуправления

1-го Украинского фронта

18-23 стр. БИБЛИОТЕКА

Первым зажигать свечу вышел Дов Шиянский

«Мозельман, или Одиннадцатая заповедь»

24-27 стр. СУДЬБЫ

Наука выживания Лиды Клейман

28-31 стр. СУДЬБЫ

Берта и Давид, история выживших

32-35 стр. СУДЬБЫ

«И прошлое будет казаться им таким
далеким...»

36-37 стр. УЛИКИ

Письмо первого советского коменданта
освобожденного Освенцима

38-43 стр. БИБЛИОТЕКА

«820 дней в подземелье»

44-45 стр. СВИДЕТЕЛИ

«Женские тела сгорают быстрее мужских...»

46-47 стр. СУДЬБЫ

Они выросли в гетто

50-56 стр. ПРАВЕДНИК МИРА

Музей в однокомнатной квартире

Одесский Шиндлер

57-58 стр. СВИДЕТЕЛИ

Узница памяти Тамара Андриевская

59 стр. ГЕНОЦИД

В уничтожении евреев не было никакой логики

Пусть мать, потерявшая самое
дорогое — сына, в день побе-
ды, теперь уже близкий, ска-
жет: не напрасно пролилась
кровь моего мальчика —
Майданека больше не будет.

Илья Эренбург

Ида Кисельман: Каждый день я благодарю Б-га..."

Мои родители были глубоко верующими людьми. Я помню праздники в синагоге, особенно — Песах. Родители много помогали другим евреям, и я всегда старалась делать так же. Помню, как мама собирала приданое девушкам-сиротам.

Каждый день я благодарю Б-га, что Он помогал мне, посылая встречи с добрыми людьми, такими, как мои папа и мама.

24 июня 1941 года мои родители с сестрой эвакуировались из Житомира в Днепропетровск — к папиному брату. Ехали на открытой платформе. Немцы начали бомбить поезд, и мы все прыгали на землю, многие получили тяжелые травмы, от которых некоторые умирали прямо на месте. Я ушибла позвоночник, но в горячке даже не почувствовала этого. Последствия этой травмы обнаружили позже.

Брата отца в Днепропетровске не оказалось, родители хотели вернуться домой, но узнали, что Житомир уже занят немецкими войсками. Они смогли добраться до Киева и там остались. Папа занялся подвозкой эвакуированных на пристань.

Меня из Киева забрала к себе наша житомирская соседка. Договорились, что она вернет меня родителям, когда кончится война. С этой женщиной я уехала в Пензу, отсюда в Волгоград, на станцию Арчида, где и оставалась до 1944 года. Потом меня отправили в Украину, в Полтавскую область, колхоз «Великие Липняки», где я работала в поле до 1946 года.

Потом я уехала в Кременчуг, грузила там уголь на вагонном заводе. В отпуск я поехала в Житомир, нашла там свою тетю Хану, сестру мамы. Она рассказала, что папе предлагали уехать из Киева, но он отказался, думая, что раз в Первую мировую войну немцы не убивали евреев, то и сейчас не будут.

Я искала семью, но не нашла.

Послала письмо в Бабий Яр и получила ответ, в котором говорилось, что все мои родные погибли от рук палачей в Бабьем Яру.

Я вернулась в Кременчуг, где меня взяла к себе еврейская семья Абрамовых. У них я прожила долго, относились ко мне, как к дочери. Кроме погибших, у меня были еще три брата и сестра. Братья погибли на фронте, сестра всю войну прошла санитаркой, а после войны оказалась в Уфе. Там ее арестовали по наговору, дождалась освобождения и умерла — от переживаний, совсем молодая еще была.

Из всей большой семьи в живых осталась только я. Этот ужас сломил меня. Начались проблемы со здоровьем, сказала та травма позвоночника, которую я получила, когда спрыгнула с поезда. Меня парализовало. Три года я лежала парализованная, потом нашли причину — опухоль, меня прооперировали, я долго лежала в гипсе. Потом все-таки встала на ноги, вышла замуж, родила сына и дочь. Несмотря на слабое здоровье, всю жизнь тяжело работала. В Израиле я с 2003 года. Рада, что живу с евреями, и бесконечно люблю нашу страну, наших людей...

Ктуба из концлагеря

Мне сегодня уже 56 лет... Думаю, что с четырехлетнего возраста, я помню рассказы моих родителей, дядей и бабушки о том, какой страшной была война – колонны беженцев, ночи, проведенные в болоте, убитые соседи, дети, расчлененные нагайкой, горящая земля и пылающий сарай со всей папиной семьей и много страшного другого...

Все это слышала я, будучи ребенком. Мы жили с бабушкой, поэтому все мои дяди и тети, то есть ее дети, всегда собирались у нас дома. И не было ни одного раза, когда бы ни говорили об этой войне, не вспоминали. Я выросла на этих воспоминаниях.

Папа, рассказывал, как он остался в живых, благодаря тому, что его послали "на разведку" из этого несчастного сарая, который подожгли, пока он, спрятавшись в глубокой траве, с горки смотрел на то, что происходит в городе.

Там, глядя на пылающий сарай, из которого доносились крики горящей в нем семьи, он потерял сознание. Когда пришел в себя, уже ночью, пополз и выбрался незамеченным из тех мест.

Впоследствии, прибывшись к бабушке Саре и ее семье, так как это были единственные люди, которых он знал (все они были из одного местечка), он попал вместе с ними в лагерь, а там влюбился в маму. Там им сделали хупу и на свадьбу подарили полбуханки хлеба...

Меня этот рассказ всегда убивал. "Как можно было думать о любви во всем этом кошмаре?" – думала я. Но жизнь сильнее всего и всегда побеждает. После войны родился мой старший брат Бен Цион, а потом уже и я. Мы жили спокойно. В доме звучали еврейские песни – мама очень красиво пела, разговаривали на идиш, бабушка молилась и зажигала субботние свечи.

Однажды я заглянула в ее молитвенник и долго не могла понять, как эти каракули, палочки и крючки можно назвать языком, да еще "койдеш лошн". Как-то я хотела попробовать прочитать написанное там, но бабушка замялась, а я, поняв, что никогда не научусь читать на этом языке, забыла об этой глупой затее. Да и кому это было нужно?

Прошли годы. Я приехала в Эрец-Исраэль уже двадцатилетней женщиной с ребенком. Очень гордилась тем, что выучила язык и стала учителем иврита сначала в общеобразовательной школе, а затем в ульпане для новоприбывших.

Однажды мамочка попросила меня поехать с ней к адвокату, который занимался оформлением денежных компенсаций из Германии для евреев, выживших в концлагерях. Мы приехали к адвокату, сидим в приемной, болтаем, ждем нашей очереди, и тут, мама, готова все документы, необходимые для предъявления, вытаскивает из сумочки листок, на котором были наклеены клочки другого листа в косую клеточку. На нем было что-то написано...

- Мамочка, что это? – спросила я.

- Это наша ксива, – ответила мама.

- Что-что? – переспросила я и вдруг поняла значение такого непонятного мне слова – "ксивы". Это же ктуба – брачный договор!

- Откуда это у тебя? Ты никогда мне об этом не рассказывала! – сказала я и дрожащими от волнения руками взяла листок в руки. Рой мыслей, чувств и воспоминаний пронеслись в моей голове.

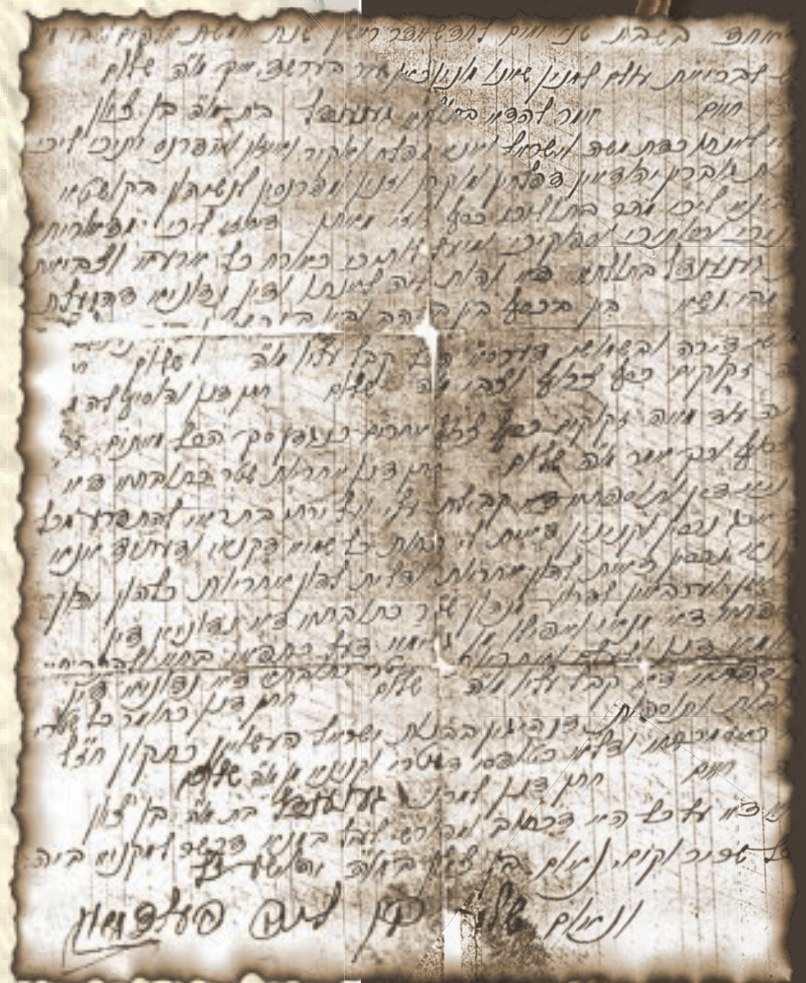
- Это один верующий еврей в концлагере написал, нам сделали хупу и вот... это осталось...

Я не могла поверить своим глазам. То, что в детстве выглядело каракулями, палочками и крючками, вдруг превратилось в читаемый документ на абсолютно понятном мне языке – ктубу – брачный договор. Круг замкнулся. Какое счастье, что я в Израиле и могу прочитать этот бесценный документ, понять его и сделать достоянием моих детей и внуков!

Сейчас моих родителей, к великому сожалению, уже нет в живых, но память о них, о пережитой ими катастрофе и об их любви никогда не забудется.

Я счастлива, что живу у себя дома, в моей любимой стране Израиль! Дай бог, чтобы у нас воцарился мир и наши дети знали бы о войне только по рассказам и документам!

Лидия Учитель, Ришон Ле-Цион

Человек, обхитривший смерть

Сегодня 300 жителей Киева расстреляно. За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреливаться значительно большее число жителей Киева. Комендант города генерал-майор Эбергард.

Объявление от 2 ноября 1941 года

Ему так часто везло. Если бы не везение, Бориса Литмановича уже давно не было бы на свете. Но каждый раз, когда он находился на краю гибели, в ход событий вмешивалось «счастливое стечение обстоятельств». Выслушайте его рассказ, постарайтесь представить, как он, во время войны совсем еще молодой парень, умудрился выжить там, где другой сгинул бы, отказавшись от борьбы.

Я родился в 1920 году в Киеве. У нас была большая дружная семья. Отцу к моменту рождения сына было уже 40 лет, маме — едва исполнилось 29. Семья была, если подходить со всей строгостью, не религиозная, но по субботам и праздникам отец никогда не работал (он был бухгалтером), ходил в синагогу. Когда в 1927 году ее закрыли, отец стал молиться дома. Глава семьи следил за тем, чтобы в доме соблюдался кашрут.

Детей было двое, я и моя стар-

шая сестра. Пока была такая возможность, мама занималась только детьми и домом. В 1928 году жизнь стала особенно тяжелой, денег не хватало на самое необходимое, и мама пошла работать. Заработков еле-еле хватало на самую простую пищу, не голодали, но экономили на всем. Порой приходилось относить что-то из вещей в торгсин, чтобы на полученные гроши купить продукты.

В 1938 году я с отличием окончил среднюю школу и без экзаменов поступил в Электротехнический институт, на факультет киноинженеров (впоследствии Институт киноинженеров — КИКИ). Успел отучиться только три года, а окончил институт уже после войны, в декабре 1947 года.

В начале 30-х годов намного острее стал ощущаться голод, была введена карточная система. И, как всегда бывало в трудные времена, начал поднимать голову антисемитизм, люди искали виноватых в своих бедах. Повсеместно закрыва-

лись еврейские школы, синагоги.

Утром 22 июня 1941 года я поехал к другу, который жил в районе Соломенки, мы вместе готовились к экзаменам. В полдень к нам в дом забежала соседка и сказала, что началась война.

Я сдал экзамены за третий курс и поступил в военизированную охрану киевского телеграфа. В августе мои родители с сестрой и ее дочкой эвакуировались, а оставался в Киеве, на службе. Нас отпустили только после того, как было принято решение об эвакуации телеграфа. У меня был адрес, где находилась моя семья, но я не уехал, пошел работать водителем грузовика в мас-

(было это утром 21 сентября), как вдруг услышали шум — к нам мчались мотоциклы. Немецкие солдаты окружили нас и погнали к дороге, где мы влились в колонну других пленных красноармейцев.

Нас привели на огражденное поле Бориспольского аэродрома. Пять суток держали нас там без еды, а потом всех переправили в Дарницкие склады.

Здесь нас уже кормили — один раз в день давали миску баланды. Помню, на кухне работали футболисты киевского «Дианмо» — Трусевич, Клименко и другие.

Началось вылавливание «жидов и комиссаров». Ко мне при-

Ни одна столица Европы не встретила Гитлера так, как Киев. Город Киев не мог больше обороняться, армия оставила его, и он, казалось, распластался под врагом. Но он сжег себя сам у врагов на глазах и унес многих из них в могилу.

Наказується всім жінкам міста Києва і околиць зібратися в понеділок дня 29 вересня 1941 року до год. 8 ранку при вул. Мельникова — Доктерівській (коло кладовища).

Всі повинні забрати з собою документи, гроші, білизну та інше.

Хто не підпорядкується цьому розпорядженню буде розстріляний.

Хто займе жидівське мешкання або розграбує предмети з тих мешкань, буде розстріляний.

Handwritten German text on a yellowed piece of paper, likely a deportation order or notice from the Nazi occupation of Kyiv.

За два дня 29-30 вересня 1941 зондеркоманда да при участии частей вермахта и Киевского куреня української допомогальної поліції расстріляли в овраге 33 771 человек — почти все еврейское население Киева.

прошел к памятнику Шевченко, потом по бульвару Пушкина добрался к дому своего приятеля, у которого оставил свои вещи.

Постучал, дверь открыл крупный мужчина, украинец, его фамилия Григоренко. Он сообщил, что мой приятель «ушел в Бабий яр». Он отвел меня к гостинице «Украина». Во дворе было пусто, лишь один немецкий солдат возился возле лошади. К нему этот мужик меня и подвел. Мол, вот — «юда». Я стал выкручиваться, дескать, нет, не еврей, показал справку, видите, мол, фамилию — оканчивается на «вич», как Попович. Солдат равнодушно бросает: «фаус век». Я разворачиваюсь и ухожу...

Пришел в квартиру, где жил мой школьный товарищ. Дверь была открыта, его мать, увидев меня, сразу запричитала. Понимая, как опасно для этой семьи мое пребывание в их доме, я лишь попросил смену белья, так как завшивел сильно к тому времени.

Переодевшись, я получил мешок сухарей и, поблагодарив хозяйку, ушел.

Следующий адрес, по которому я отправился — квартира моих родных дяди и тети, которые «ушли в Бабий Яр». Там я смог наконец обзавестись какими-то теплыми вещами. Соседи не выдали, наоборот — дали сухарей на дорогу, проводили тепло, благословили...

Ночевал я во Владимирском саду, спал на земле, а утром отправился к понтонной переправе через Днепр. Прошел мимо Дарницкого лагеря, выбрался на развороченную железную дорогу, ведущую на восток, и пошел по разломанным шпалам — через станции Дарница, Бровары, Нежин, Бахмач, Конотоп, Ворожба, Сумы, Белгород, Шебекино, Волчанск, Приколотное.

Дошли до меня слухи, что путь на Харьков закрыт, что там идут бои, и я решил изменить маршрут, сойти с железной дороги. Вышел по проселочным дорогам на Валуйки, а потом и до станции Россош добрался. Там (это было уже 6 ноября) обратился в военкомат с просьбой направить меня на фронт. Но прифронтовой военкомат не занимается призывниками, и, получив разрешение, я отправился к родным, в

село Дербитовку, что в Ставропольском крае — залез на крытую брезентом платформу воинскую платформу и за три дня доехал так до Ростова. Оттуда уже поездом добрался до Дербитовки, нашел хату, где жила моя семья, но надолго там не задержался — колхоз выделил мне подводу с возчиком, и в 40-градусный мороз я поехал в село Дивное, где находился местный военкомат. Встал на воинский учет и вернулся к родным.

Вскоре пришло извещение, что я должен прибыть 21 января на станцию Дербитовка. Нас отправили на

станцию Усть-Лобинская, это уже в Краснодарском крае. Оттуда в начале марта нас в составе 871-го стрелкового полка отправили эшелоном в Новороссийск.

Морем нас доставили в Керчь.

Ночным маршем наш полк был выведен в район Феодосии, где мы сменили части, которые отошли в тыл. В апреле наш фронт был поднят в атаку на позиции немецких войск, закрывавшие выход с Керченского полуострова на территорию Крыма. Потери были большими. Немцы остановили нас недалеко от их позиций, расположенных на возвышенности. Лежа на земле, я видел впереди наши подбитые танки, рядом с ними лежали танкисты. Оглядевшись, я вдруг понял, что не вижу никого из солдат нашей части. Ну, думаю, надо окапываться, как вдруг получаю удар по голове — немецкие солдаты били по телам но-

гами, проверяя, нет ли живых. Замер, не дышу... Так неподвижно и пролежал весь день, а вечером, как только стемнело, пополз в сторону наших позиций. В конце я уже бежал, встав в полный рост, вскочил в окоп и увидел солдат нашего полка! А среди них был только один человек из моего отделения, остальные погибли...

Вскоре прибыло пополнение, в окопах стало многолюдно. 2 мая командир взвода приказал мне явиться в штаб полка. Там ждал сотрудник СМЕРШа, Он допрашивал меня, как выходил из окружения, как переходил линию фронта, подробно, обо всех обстоятельствах.

Повторил я все то, что рассказывал во военкомате, когда становился на воинский учет – что был гражданским человеком, что шел к своим из Киева более тридцати дней. Шел по безлюдной территории, где не было вообще линии фронта, так как боевые действия проходили далеко от тех мест.

Меня заперли в землянке, время от времени вызывали на допрос. Однажды я проснулся от топота большой массы людей. Зашел лейтенант, который меня допрашивал, приказал выйти, сообщил, что фронт прорван, что я могу присоединиться к отступающим частям.

19 мая мы очутились на берегу Керченского пролива, в районе рыбного порта. Бровки берега были окрашены кровью, среди нас было

много раненых. Помню, я бы потрясен, когда увидел сцену самоубийства: один старший лейтенант снял обувь, приставил ствол винтовки к подбородку и нажал на курок...

Я заметил, что к берегу подходит большая шлюпка и бросился к ней вплавь, как был – с оружием и котомкой на плечах. Ухватившись за борт, я почувствовал, что лодка оседает под напором взбиравшихся на нее людей, что она тонет. Оттолкнувшись от борта, я начал быстро выгребать к сваям бывшего причала. Оттолкнувшись от ближайшей сваи, я плыл к следующей, так и выбрался в конце концов на берег.

Шлюпка ушла под воду, над поверхностью оставался большой круговорот, люди тонули и в панике топили друг друга.

На берегу появились немецкие солдаты. Они погнали нас на станцию Джанкой, где погрузили в эшелон, направлявшийся в Умань. Там был лагерь...

В лагере командовали украинские полицаи. Нас заставляли переносить камни из одного конца поля в другой. А на следующий день – в обратном направлении.

Как-то я попытался получить дополнительную порцию баланды и, быстро поев, второй раз встал в очередь. Кто-то заметил и доложил старшему. Тот распорядилсясыпать мне двадцать пять ударов ремнем. Меня положили на скамейку, один из полицаев уселся мне

Фашисты уничтожили в Умани 28 тысяч евреев. Эту цифру назвал офицер германской армии Курт Бангель, принимавший участие в акции в Умани, причем он сослался на своих солдат, которые подсчитали количество уничтоженных.

Многие представители Умани помогали немцам разыскивать и уничтожать евреев. Украинцы, которые старались скрывать еврея, были уничтожены...

на ноги, второй начал экзекуцию. Было больно, конечно, хотя особых усилий экзекутор не прилагал.

В лагере у меня обострилась цинга, которая началась еще на фронте. Я обратился в санчасть, где находилось много раненых. Фельдшер, осмотрев меня, оставил в лазарете, так я получил небольшой отдых от изнурительной и бестолковой работы.

9 июля часть военнопленных из лагеря, в том числе и меня, отправили в Германию. Я решил бежать в дороге. Поговорив с несколькими ребятами, я один конец обмотки привязал к кольцу, к которому обычно, видимо, привязывали лошадей. Второй конец обмотки я выбросил наружу, сам поднялся к выходу из вагона, выбил ногами колючую проволоку, загнул ее вверх и вылез наружу. Держась за обмотку и упираясь ногами в стенку вагона, я опустился к нижнему краю

цу села Головчинцы Винницкой области. Постучался в одну из хат, попросил помочь сменить армейскую форму на сельскую одежду. Но даже в таком виде мне было опасно оставаться там да и вообще на Украине – украинские полицаи распознали бы во мне еврея. В конце июля я вместе с группой жителей села выехал на принудительные работы в Германию.

На самом деле доехал я только до Польши – когда состав остановился в городе Катовицы, нас всех выгнали из вагонов и разместили на огороженной площадке. Неподдалеку стоял мужчина, на одежде которого я увидел шестиконечную желтую звезду. Я подошел, заговорил с ним на украинском языке, расспрашивал о положении евреев Украины. Он ответил, что ситуация очень тревожная, ожидается отправка в концлагерь. Когда я уже собирался попрощаться и отойти, этот человек

вагона и, оттолкнувшись, прыгнул.

Мне повезло, что склон был длинным и заросшим редкими деревьями – это смягчило приземление, я не сломал себе шею, пока, кувыркаясь, летел вниз. За мной прыгнуло еще двое. Конвоиры их заметили, начали стрелять, но состав как раз поворачивал, и это спасло всем беглецам жизнь.

Отдышавшись после падения, я по тропинке вышел на околицу

весьма настойчиво пригласил меня пройти с ним. В такой ситуации бежать было невозможно. Мы подошли к какому-то зданию, он постучал в дверь, на крыльцо вышел высокий красивый эсэсовец, и польский еврей сказал ему, что я – «жид». Мне приказали войти.

Внутри сидели две девицы в форме. Эсэсовец заговорил со мной на прекрасной русском языке. Видимо, он был из прибалтийских немцев.

Он спросил: «Жид?» Я кивнул. «Обрезанный?» Снова киваю. Они заговорили между собой на немецком языке, после чего эсэсовец меня позвал: «Пойдем».

Мы вышли из здания и направились к той площадке, где ждали отправки люди из эшелона. Я думал, что сейчас меня заставят копать себе могилу, а потом пристрелят. Приготовился, решил — умру достойно. Так эсэсовцу и заявил. Но тот на полдороги к площадке остановился и сказал мне: «Иди к своей судьбе, в Германию». И ушел.

Я добрал до площадки, свалился без сил на землю и заснул мертвецким сном.

Через сутки нас снова погрузили в эшелон, и мы поехали — пересекли Польшу, Германию, въехали во Францию. В дороге у меня было время подумать о том, как замаскироваться. Я решил изменить фамилию...

2 августа нас высадили в городе Лянс провинции Па-де-Кале, это угольный район страны. Я работал на шахте отбойщиком породы, крепильщиком. В феврале 1943 года мне удалось бежать из лагеря. Я прятался в частном доме и надеялся, что смогу попасть к французским партизанам — маки. Но французские жандармы меня нашли и арестовали. Конец марта я встретил во французской тюрьме, а 14

апреля меня перевели в тюрьму под надзор немецких властей. 4 июня 1943 года я за саботаж был приговорен военным трибуналом к шести месяцам тюремного заключения. Меня отправили отбывать наказание в тюрьму города Наден. Там я работал на металлургическом заводе, очищал стальные отливки от раковин. 4 декабря меня освободили из тюрьмы, и я попытался вернуться во Францию, но меня снова поймали, сняли с поезда и отправили в штрафной лагерь при фабрике по очистке сточных вод. Там я и находился, когда 16 апреля 1945 года нас освободили американские войска. Меня передали в советскую зону оккупации Германии...

Так кончилась для него война. Кончилась ли? Вы обратили внимание, что Борис по сей день помню все даты, имена, названия, все мелочи, которые обычно быстро выветриваются из памяти. Это время для него — словно высечено в камне, ничего не забывается.

Сейчас Борис Литманович живет в Израиле — с детьми и внуками. Они знают о войне, концлагерях, желтых нашивках по его рассказам. Их никто и никогда не назовет словом «жид» и не отправит только за это на смерть, как это случилось с многими их соплеменниками.

И станут они, как одно целое!

Мертвые и живые.

Лишенные жизни и оставшиеся в живых.

Те, кого больше нет и спасшиеся.

Слушайте и услышите, как взывает к каждому из нас их голос.

Не успокаивайтесь, не успокаивайтесь!

Юрий Кремер:

Черновцы (Черновицы до 1944 года) — исторический центр Буковины. В Черновицах в начале XX века евреи составляли более 50% преподавателей университета, 58% врачей, 76% адвокатов. Президенты палаты торговли и ремесел, а также коллегии адвокатов до Первой мировой войны были евреи.

Отец мой, Ицхак (Игнац) Кремер, родился в 1907 году в городе Черновцы. В 1930 году он с блеском окончил медицинский факультет Льежского университета в Бельгии. Там я и родился, у меня бельгийское свидетельство о рождении. Даже имя мне дали французское — Жюльен, хотя брит первенцу Ицхака делали на медицинском факультете в присутствии местного раввина.

Отец стал прекрасным врачом, ему предсказывали большое будущее. Сразу после окончания университета ему предложили место хирурга в центре Бельгийского Конго — очень престижное, по тем временам, место. Но когда бельгийские власти заглянули в документы отца и увидели, что он румынский еврей, в рекомендации было отказано. Семья Кремер была вынуждена вернуться в Черновцы. Румынские власти заставили отца пересдать все экзамены на румынском языке, и только после этого он получил право работать врачом.

Как известно, в 1939 году СССР присоединил к себе Северную Буковину — теперь уже советские власти назначили отца заведующим амбулаторией в местечке Верхние Станивцы Сторожинецкого района. Там нас и застало начало войны, ее страшные первые дни. Отец сразу уехал в райцентр, явился в военкомат, попросил призвать его в действующую армию. Тамошние сотрудники в спешке сжигали документы, но ему цинично посоветовали не сеять панику и вернуться к своим больным. В ту же ночь все начальство сбежало, власти бросили нас на произвол судьбы.

Утром следующего дня началось самое страшное. В течение трех дней (пока не вошли регулярные румынские войска) местные украинские националисты расстреливали всех евреев нашего местечка. Это были наши друзья — адвокат, аптекарь, зубной врач, ремесленники-мастеровые... Мы были готовы к самому страшному повороту событий. Отец не видел смысла в том, чтобы продолжать жить в таком кошмаре, и уже приготовил яд для себя и для мамы. Но рядом крутился я, восьмилетний парнишка, и рука отца не поднялась убить своего мальчика.

У нашего дома погромщики выставили охрану — бандитам тоже был нужен врач...

Когда в местечко вошли румынские войска, несколько уцелевших еврейских семей под конвоем были переправлены в Черновцы, в гетто. Спустя некоторое время нас в вагонах для скота отправили в один из лагерей Транснистрии. Каждый имел право взять с собой такое количество багажа, которое мог унести с собой. Не помню, сколько мы ехали до Атаки. Стояла осень, успели пройти дожди, и, когда распахнули двери наших вагонов, нас встретила непролазная грязь, лужи — именно в них нас заставили бросить свои вещи. Потом состав отогнали, и охранники потребовали, чтобы мы перетаскивали вещи на какие-то пригорки, относительно сухие в этом болоте. Хорошо помню, что пока все взрослые таскали вещи, вокруг стали собираться местные жители. Как коршуны, они кружили вокруг наших вещей, зная, что сейчас нас погонят к Днестру, много мы в руках унести не сможем, и тогда они набросятся на баулы и мешки, растащат еврейское добро по своим домам.

Отдохнуть нам не дали, сразу последовала команда: "Взять самое необходимое и спуститься к железнодорожному пути". На меня тоже надели рюкзачок. Помню, с каким детским ужасом я увидел, что мой папа сел в грязь в своем шикарном пальто и "поехал" вниз, чтобы встретить там меня с мамой. Было понятно, что мы и половины своих вещей донести не сможем. Отец очень беспокоился, чтобы не пропала картонная коробка, в которой были медикаменты для оказания первой помощи.

«Над могилой отца нет памятника...»

Жандармы подгоняли нас, пощелкивая нагайками и выкрикивая: "Май реледе" Май реледе!" ("Быстрее! Быстрее!"). Измученные люди еле вытаскивали ноги из глубокой грязи. Наконец-то показался Днестр. Всех с документами отправили к столу, который стоял прямо на берегу. Документы у всех отбирали, бросали их в кучу, которая все время росла. Моему отцу вместо диплома выдали повязку с красным крестом. Тут же подъехал на лошади румынский солдат вручил отцу сверток – это был новорожденный ребенок, он плакал. Солдат сказал: "Одна из ваших жидовок выкинула своего щенка. Если ты не найдешь ее и не избавишься от этого свертка, я тебя пристрелю".

До сих пор в моих ушах звучит голос отца, который часами ходил вдоль берега и на трех языках – русском, идиш и румынском – кричал: "Кто потерял ребенка?"

Увы, мать так и не объявилась. Мама сделала какое-то подобие соски из тряпочки, в которую вложила намоченный хлеб. Ребенок уснул. Ночью подогнали паром и переправили всех на другой берег. Младенец оставался с нами. Под утро мы заснули, а когда проснулись, обнаружили, что ребенок исчез. Вспомнили, что с вечера вокруг нас крутилась молодая женщина – наверно, все-таки заговорило материнское сердце...

Пока ждали паром, мы увидели, как неподалеку запылал костер. Это жандармы, облив бензином, подожгли гору документов. Отец сказал: "Теперь я никто..."

Мы попали в село Мурафа Шаргородского района. Отец был единственным врачом в лагере. Ему приходилось лечить людей, не имея никаких медикаментов, бинтов, йода, ваты и прочего. Больные говорили: "Если доктор Кремер просто посидит рядом, нам только от этого становится легче!"

В лагере началась эпидемия тифа. Отец заразился от своих больных и 21 мая 1942 года скончался в страшных муках у меня на руках. Ему было всего 35 лет. Высокий, красивый, молодой, вся жизнь впереди...

На похороны вышли все, кто находился в лагере. Его похоронили на безымянной горе у села Мурафа, а на могиле поставили самодельную плиточку. О памятнике не могло идти и речи. Меня это мучило всю жизнь. Шли годы... В 1973 году наша семья решила репатрироваться в Израиль, но перед тем мы с мамой, светлая ей память, отправились в Мурафу, чтобы найти могилу отца, чтобы поставить там памятник.

Стояла жуткая погода, снег с дождем, слякоть... За очень большие деньги мы наняли проводника. Он отвел нас на эту гору, и мы долго искали, но так и не смогли найти захоронение отца.

Мы живем в Израиле, у нас все хорошо, жизнь идет своим чередом. Сегодня я вдвое старше моего отца в день его смерти. А в моем сердце живет боль из-за того, что над могилой моего папы нет памятника...

■■■

30 июня 1941 года город оставила Красная армия, в ряды которой были мобилизованы или добровольно присоединились тысячи молодых евреев. Еврейское население Черновиц увеличилось за счет беженцев и составляло около 50 тысяч человек. Банды местных погромщиков грабили и убивали евреев.

6 июля 1941 года румынские и немецкие войска заняли город. 8 июля были арестованы и расстреляны около 600 евреев. 10-12 июля немцы при помощи румынской полиции уничтожили около полутора тысяч евреев. В октябре-ноябре 41-го в Транснистрию было выслано более 28 тысяч черновицких евреев. Летом 42-го высылки возобновились. Было выслано, депортировано около 4 тысяч человек, часть из них была передана эсэсовцам и уничтожена. Смертность среди евреев в лагерях и гетто Транснистрии составляла около 70% (детская – превышала 90%). 29 марта 1944 года Советская армия освободила Черновицы. Численность евреев в городе составляла 17,3 тысячи человек.

Зимой 1941-42 гг. многие из депортированных в Транснистрию евреев погибли от переохлаждения (температура воздуха временами опускалась до -40°), голода, лишений и инфекционных болезней (тифа, дизентерии).

Самоотверженные усилия еврейских врачей, которые зачастую не имели ни лекарств, ни инструментов, но упорно боролись с эпидемиями (и нередко сами становились их жертвами), способствовали значительному снижению смертности.

По вопросу об использовании срезанных волос

Циркуляр начальника группы Главного хозяйственного управления СС группен-фюрера Рихарда Глюкса. 6 августа 1942 г.

Ознакомившись с отчетом, начальник Главного хозяйственного управления обергруппенфюрер СС Поль приказал, чтобы все человеческие волосы, срезанные в концентрационных лагерях, нашли применение. Из человеческого волос можно производить промышленный войлок или прясть нити. Расчесанные волосы (женские) можно использовать в качестве материала для изготовления носков для экипажей подводных лодок и войлочных чулок для железнодорожников.

В связи с этим вам поручается после их санобработки организовать хранение волос заключенных женщин. Мужские волосы могут быть использованы только если они не короче 20 см.

Сведения о количестве волос, полученных за месяц, отдельно женских, отдельно мужских, должны передаваться нам пятого числа каждого месяца, начиная с 5 сентября 1942 г.

Из протокола допроса перебежчика 4 роты 3-го пехотного полка оберфрейтора Анис Генриха

1908 г. рождения, столяр, холост, служил в караульном батальоне СС концлагеря Аушвиц (Верхняя Саксония). Перешел 1 марта 1944 г. в р-не Штавин.

В лагере содержатся в основном евреи, а также цыгане, небольшое количество русских военнопленных, небольшое количество немцев-политзаключенных. Общее число заключенных превышает 100 тысяч человек.

Лагерь Аушвиц состоит из двух отделений, обнесен колючей проволокой в три ряда. Заключенные используются на земляных работах, строят дороги, эвакуированный с запада завод Эссена. Сколько получают продуктов, не знаю, но, конечно, меньше, чем нужно для поддержания человеческих сил. Когда я прибыл с другом сюда – на территории лагеря было ужасное зловоние. Запах шел из крематориев, где сжигались трупы убитых заключенных.

На вокзал привозили ежедневно по 4 эшелона по 40 вагонов, в каждом – 50 человек. При мне привозили главным образом румынских евреев, потом евреев из других стран. Всех их разбивали на группы: 1) больные, 2) матери с детьми до 12 лет; 3) физически здоровые мужчины и женщины. Больных тут же отправляли в газовые камеры, отравляли специальным газом. Люди из 3 группы перетаскивали трупы в крематории, где их сжигали. Потом в газовые камеры вводили евреев из 2-й группы и тоже отравляли. Остальные евреи из 3-й группы использовались на работах до истощения, а потом тоже истреблялись. Их трупы перетаскивались евреями из 3-й группы прибывших новыми эшелонами.

Вещи уничтоженных евреев сортировались: теплые – направлялись на армейские склады, остальные – вглубь Германии. Из заключенных-евреев обратно никто не возвращался.

Я знаю очень мало, так как был в охране лагеря всего три недели, затем был отправлен на фронт. Эсэсовцы рассказывали очень мало, видно, боялись ответственности за преступления...

16.3.1944

Допрос вел зам. нач. разведотдела штаба 50-й армии подполковник Блинов.

Начальнику политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Яшечкину

26 января 1945 года

На станции Лебионж юго-западнее Хжанув нами обнаружен филиал концлагеря Освенцим со случайно уцелевшими узниками. Среди них – 30 евреев, остальные – венгры, французы, чехи, поляки и русские – все, кто успел укрыться на угольных шахтах, где работали узники. Остальные были немцами умерщвлены. Всего в этом лагере на станции Лебионж было 920 заключенных.

Один из них еврей Левер рассказал: до Лебионжа находился в Освенциме. Там одновременно было от 25 до 30 тысяч человек евреев из многих стран Европы. Они свозились сюда непрерывно в течение 4 лет. Все, кто не мог работать – женщины, старики, дети, больные, отделялись от здоровых мужчин и уничтожались сразу. Они направлялись в отдельные бараки в южной части лагеря, там раздевались, потом в специальных камерах убивались газами, а трупы сжигались в крематориях. Всего было для этого оборудовано 12 печей, действующих частично на электричестве, частично на угле. Считает, что число жертв-евреев составило, примерно, 400.000 человек. В последние 2 года были уничтожены и узники-мужчины. Кормили узников очень плохо: один раз в день водянистая похлебка и 150-200 грамм хлеба. От непосильного труда и плохого питания люди обессиливали и умирали. Три раза в неделю врач осматривал заключенных, и неспособных к труду отправляли в газовые камеры.

С октября 1944 года лагерь Освенцим эвакуировался в Германию, и печи крематория работали особенно напряженно круглые сутки. В декабре 1944 года печи были немцами взорваны.

27 января 1945 года

Утром 27 января 1945 года наши войска освободили Освенцим и Бжезинку – два крупнейших концлагеря. Немцы сбежали. В момент освобождения в лагерях было до 10 тысяч заключенных.

Лагерь смерти Освенцим, по показаниям местных жителей был основан весной 1940 года. Заключенных сжигали в пяти крематориях. Многих вешали на виселицах. Лагерь окружен несколькими рядами проволоки с током высокого напряжения. Усиленно охранялся солдатами СС. Комендант – капитан СС Гесс. В июле 1940 года из Варшавы пришел первый эшелон заключенных-евреев 5-6 тысяч человек. В период большого поступления узников их истребляли по 10-15 тысяч человек в неделю в газовых камерах и сжигали в крематориях. Когда в лагерь въезжали машины с евреями, то по обе стороны от них становились немецкие солдаты, нагайками и шомполами избивали каждого, многих насмерть. Заключенные массами умирали от голода и жажды. В день каждый получал до 200 грамм хлеба и кружку похлебки. В 1942 году из лагеря бежало 6 поляков. В отместку немцы расстреляли тысячи заключенных. Каждое утро сотни раздетых заключенных гнали к газовым камерам. Немцы наслаждались муками несчастных через специально сделанные окошки. Жуткая картина. Дым от печей и смрад шли на десяток километров.

К началу 1945 года все евреи в лагере были уничтожены. Немцы, всячески заматая следы преступлений, взорвали лагерь, очевидцев расстреляли.

28 января 1945 года

Докладаваю:

Концентрационный лагерь Освенцим, по-немецки Аушвиц фактически состоит из 5 лагерей и тюрьмы. Сейчас в них осталось несколько тысяч узников из всех стран Европы. Много заключенных на прилегающих дорогах. Все крайне истощены, плачут, благодарят Красную Армию. Люди – многих национальностей, но евреев не встречал. Узники говорят, что все они были уничтожены.

Каждый лагерь – огромная площадь за колючей проволокой в несколько рядов под током. В каждом – множество бараков, в них – два ряда двухъярусных нар. Картина страшная по своей трагичности.

Первым зажигать

«Я хочу открыть тебе один секрет: никакой новой Германии нет. И почему они станут другими – хищники, создавшие Освенцим, Дахау, Трешлинку. Мое место среди людей, открывших для себя одиннадцатую заповедь: «Не забудь!» Дов Шиланский, «Мозельман», или Одиннадцатая заповедь»

«В День памяти жертв Катастрофы в зале Шагала в Кнессете прошло мероприятие «У каждого человека есть имя», в ходе которого депутаты Кнессета уже двадцатый год подряд зачитывали имена погибших в Холокосте. Большей частью – имена своих родных. В этом году зажигать шесть свечей (по числу шести миллионов евреев, погибших в Холокосте) выходили человек, выживший в Катастрофе со своим внуком или внучкой. Первым зажигать свечу вышел Дов Шиланский, в прошлом спикер Кнессета, с внуком...»

Из газет

«Осенью 1952 года был арестован активист «Херута» с бомбой в сумке. Звали его Дов Шиланский. На суде его обвинили в членстве в подпольной организации, ставившей целью помешать заключению соглашения с ФРГ, и осудили на 21 месяц тюрьмы. Суд и высказывания на нем Шиланского получили широкое освещение в прессе – во многом благодаря усилиям молодого адвоката Шмуэля Тамира. В тюрьме Шиланский написал книги: «Дневник еврейского политзаключенного в еврейской тюрьме» и роман о Катастрофе «Мозельман», который вышел и на русском языке. Спустя много лет, когда премьер-министром будет Ицхак Шамир, Шиланский станет спикером Кнессета...»

Из статьи Нехамы Шварц

Сухие строчки краткой биографии этого человека: Дов Шиланский родился в 1924 году в городе Шауляе. В 1941 году он стал одним из организаторов еврейского подполья в шауляйском гетто. Вместе с немногими оставшимися в живых после нацистских «акций» Шиланского отправили в лагерь смерти Дахау, где он стал членом штаба еврейского подполья. После освобождения Шиланский устанавливает связь с еврейской подпольной организацией «Эцель» и становится командиром ее ячейки в Риме.

В 1948 году Шиланский прибыл в Израиль на борту знаменитой «Альталены». В рядах Армии обороны Израиля участвовал в боях за Галилею. В 1952 году он выступил против соглашения с Германией о выплате репараций, считая, что это оскверняет память евреев, погибших в Катастрофе. С пакетом взрывчатки в руках он проводит индивидуальную демонстрацию в Тель-Авиве. После выхода из тюрьмы Шиланский изучает юриспруденцию и становится адвокатом. В 1977 году он был избран в Кнессет по списку «Херут». В 1982 году стал заместителем министра. В 1992 году Шиланский становится спикером (председателем) Кнессета, из-за чего отказывается от участия в работе своей адвокатской конторы и передает все дела сыну.

В 1998 году, уйдя с этого высокого поста, Дов Шиланский вернулся к адвокатской деятельности. Сегодня этому необыкновенному человеку

82 года, он тяжело болен...Мы публикуем в этом номере журнала отрывки из книг Шиланского «Мозельман», или Одиннадцатая заповедь»...

СВЕЧУ ВЫШЕЛ ДОВ ШИЛЯНСКИЙ...

Когда капо приказала двум своим подчиненным перевести Перл Гликман в четвертый блок, блок смертников, они сняли с нее рваные башмаки. Зачем там обувь? Ей все равно конец. А они еще поборются за жизнь. Башмаки можно обменять на несколько картофелин или на картофельные очистки. Если к очисткам добавить несколько хлебных крошек и много воды, получится много еды. Голода, правда, она не утолит, но поддержит силы, согреет тело.

Перл была в полном сознании, но распухшие ноги больше ей не служили. Утром, услышав крик капо "Подъем, лентяйки", она попыталась встать, но не смогла. Глаза закрывались сами собой, язык не слушался.

- Не горюй, Перл, - шепнула ей на ухо соседка. - Через пару дней мы отправимся за тобой. Бог милостив, он видит наши страдания. Встретимся в раю.

Две женщины подхватили Перл под руки и поволокли. Она видела, как под крики капо заключенные выбегают из бараков. Вчера я тоже так спешила, подумала она, тоже старалась угодить капо или немцу, увернуться от удара. И вот все кончилось. Ее тащат туда, откуда не возвращаются. Она будет лежать, умирать и молить Бога, чтобы скорее взял ее к себе...

Хаим вздохнул.

- О бесилии евреев в концлагерях говорят охотно, - сказал он грустно. - А о борьбе, восстаниях, о самопожертвовании не говорят почти никогда...

- Расскажи нам об американских евреях, - попросила Сара...

- Эти евреи были гражданами Соединенных Штатов, но война застала их в Варшаве. В Освенциме они попали здоровыми и сильными, к их рубашкам был приколот значок - флаг США. Они не сомневались, что их ждет иная судьба, не такая, как у всех остальных, верили, что их обменяют на немецких военнопленных. Эта мысль придавала им уверенности, тем они и отличались от других евреев концлагеря.

Вскоре их отвели в здание крематория № 1. Там, в зале, служившем преддверием к газовым камерам, их встретил Шиллингер. Он приказал им раздеваться.

Среди американских евреев были два театральных актера, муж и жена, приехавшие в Польшу на гастроли.

- Мужчинам и женщинам в одной комнате? - спросила актриса.

- Раздеваться! - заорал Шиллингер и грубо толкнул женщину.

Она с изумлением смотрела на него широко раскрытыми глазами.

Остальные начали раздеваться, не понимая, что происходит. Шиллингер их напугал. Они сбились в кучу и жались друг к другу.

Только актриса оставалась спокойной. Она сняла блузку, затем бюстгальтер, а потом вдруг, шагнув к Шиллингеру, бросила ему свой лифчик в лицо со словами: "Это тебе подарок для жены!"

Взревев от ярости, Шиллингер набросился на нее, одним ударом сбил с ног и, едва сдерживая нетерпение, достал пистолет, прицелился...

В этот момент муж прыгнул на него и в прыжке выбил пистолет из рук палача. Всегда уверенный в себе Шиллингер растерялся. Он был один на один с толпой, но... это была перепуганная толпа, и, когда он это осознал, к нему вернулось присутствие духа. Он наклонился, чтобы взять пистолет, но актриса оказалась проворнее: она схватила оружие и трижды выстрелила в Шиллингера.

Люди из зондеркоманды подняли истекающего кровью Шиллингера и унесли. Рассказывали, что по дороге он плакал и умолял: "Заключенные, на помощь! Спасите меня!" В ответ его били. Едва живого они положили Шиллингера на кровать и встали рядом, чтобы видеть, как он умирает.

Оставшиеся в зале члены "небесной команды" рассказали американским евреям, что их ждет. Сначала те отказывались верить. Но когда им показали затянутые железной сеткой венти-

ляционные отверстия и объяснили, как эсэсовец в защитной маске пускает туда газ, американцы словно взбесились: они принялись ломать вентиляционные отверстия, а заодно и все остальное, что попадалось под руку.

Крематорий № 1 вышел из строя на целых две недели. Американские евреи уже не заблуждались по поводу своей участи, они знали, что с немцами им не справиться, что их ждет смерть.

Немцы были потрясены. Им были знакомы две категории жертв: те, кто знал, что их ожидает, и те, кто этого не знал. Первым полагался усиленный конвой, вторым было достаточно лживых обещаний и уговоров. Американцы ничего не знали, и немцы не были готовы к противодействию. В таких случаях они всегда терялись...

Так было и когда в крематорий привезли триста еврейских девушек из Майданека. Там они работали в "Канаде". Им сказали, что их просто переводят в другую "Канаду". Как только немцы приступили к обычной процедуре перед умерщвлением, девушки обо всем догадались, поняли, что их ведут на смерть. Завязалась драка. Девушки били охранников, кусались, царапались. Немцы пробовали защищаться, но без особого успеха. Привели овчарок. Только когда девушек избили до потери сознания, немцам удалось затолкать их в камеры...

Мир, узнав правду о фабриках смерти, не бросился на борьбу с ними. Мир слышал, видел, знал – и молчал. Евреи стран рассеяния лили слезы и дрожали. Потому что боялись за себя. Не устраивали демонстраций, не нарушали порядка.

Вот я и спрашиваю, – Хаим закашлялся, – по какому праву все эти праведники и герои теперь упрекают узников ада за то, что те не подняли знамя восстания, не боролись за свою жизнь с оружием в руках?

– Раньше я мало знал о Катастрофе, – сказал Йоске. – Но и то немного, что я знал, было неправдой: я представлял себе узников людьми, которые думали только о том, чтобы выжить, и ради этой жалкой жизни были готовы шагать по трупам своих братьев.

Как-то я прочел рапорт немецкого солдата, охранявшего Варшавское гетто. Он писал о том, как еврейские дети выбирались из гетто по канализационным трубам. А он, этот солдат, занимал позицию у выхода и стрелял в них. Стрелял в детей, которые пытались выбраться из гетто за куском хлеба.

И я подумал: мыши, мыши, выбегающий из нор прямо в лапы сидящего в засаде кота. Не только дети – все евреи представлялись мне такими мышами, которые прятались в норах от котов.

Позже, во время Войны за Независимость, я попал в 72-й батальон. Он был сформирован главным образом из недавно репатриировавшихся людей, выживших в Катастрофе. Их направили на фронт прямо с кораблей. Тяжелое плавание и здешний климат истощили их, и без того ослабленных, до того, что многие не держались на ногах. Они гибли пачками, потому что не умели воевать. Я пришел в ярость из-за того, что на фронт посылают таких людей – совершенно неподготовленных, которые дергают спусковой крючок винтовки, забыв опустить предохранитель.

Но старые офицеры заверили меня, что эти ребята дерутся храбро, отчаянно. Их нужно только научить, а потом они стоят насмерть. Значит, все-таки не мыши, подумал я. Но только после того, как я встретил Сару, до меня дошло, что в лапах этого кота почти все мы вели себя точно так же...

– Я не стыжусь, – сказал литовский еврей. – Мне стыдиться нечего. Пусть стыдятся те, кого не коснулась Катастрофа, кто ничего не сделал для того, чтобы предотвратить ее. Пусть стыдятся – или хотя бы молчат. Да, я не рассказываю о пережитом. Особенно тем, кто там не был. Не поверят, будут смеяться. Или жалеть...

Мне кажется, у немцев был талант уничтожения. Страсть к убийству они словно всосали с молоком матери. Поэтому им так давалось уничтожение. Далеко не сразу мы узнали их настоящее лицо. После каждой резни мы наивно полагали, что теперь-то уже знаем все их уловки, что больше они нас не обманут. Но всякий раз они придумывали что-то новое и резали нас, как баранов.

Постижение тайн германской души дорого обошлось моему народу. Если бы мы знали немцев в польских и литовских лагерях так, как узнали их в лагерях, мы бы так дешево не отдавали бы свои жизни.

Поверьте, если бы мы раньше поняли, что такое немцы, если бы евреи гетто готовились к восстанию, как заключенные в Освендике, история Катастрофы была бы иной. И кто знает, сколько евреев из числа погибших было бы сейчас здесь, с нами...

...

Перл, которую теперь звали Пнина, ерзала в своем дорогом удобном кресле, стараясь прогнать воспоминания, но они не желали уходить. У нее перед глазами возникли шприцы, склянки, бинты, ножницы, скальпели – весь антураж операционной. Потом белые передники, много белых передников. И вдруг, зарыв все, возник страшный человек в белом – немецкий врач. Блок № 10 в Освенциме! Здесь врачи проводили опыты на евреях.

Пнина закрыла глаза. Ей показалось, что сейчас она увидит то, чего никогда не видела. Ей только рассказывали об этом. Где это было? Ну конечно – в мюнхенском лагере для перемещенных лиц.

-Хватит, – вскрикнула она. – Оставьте меня в покое. Я больше не могу!

Но четкий женский голос сказал над самым ее ухом:

- Нет. Если ты смогла забыть, значит, ты мало страдала...

Пнина очнулась. Она прошла в спальню, открыла шкаф и достала из бельевого ящика записную книжку. Полистав, она нашла адрес: "Ганя К., мошав Г., 100 метров вправо от автобусной остановки".

- Я обещала ее навестить год назад, – вспомнила Пнина. – Ведь она так просила!

...

Через полчаса Пнина стояла на центральной автобусной станции Тель-Авива, а еще через несколько минут сидела в автобусе...

Стояла настоящая тель-авивская жара. Почему-то Пнина свернула не туда и долго брела под солнцем. Наконец она увидела этот дом. Маленькая собачка встретила ее лаем.

- Кто там? – Худой, согбенный мужчина смотрел на нее из-за ограды. Это был, конечно, Макс.

- Где Ганя? – спросила Пнина.

- Ганя? А зачем она вам, сударыня?

Пнина назвала себя.

- Помню! – сказал Макс. На мгновение его лицо осветилось, но тут же помрачнело. – Я провожу вас к ней.

Он взял Пнину под руку и повел к джипу, стоявшему рядом с домом. В машине он молчал всю дорогу.

- Куда мы едем? – спросила Пнина.

- К Гане, – глухо ответил Макс.

Джип остановился у заросшего колючками поля.

- Идите со мной! – резко сказал Макс.

Перед низкой насыпью он остановился.

- Вот. Простите, что все так неухожено. Она была одной из первых, кого похоронили на этом кладбище. – Он опустился на колени и зарыдал. Пнина села рядом и погладила его плечо. Они сидели там, пока не стало смеркаться.

Пнина вспоминала...

Ганя жила с ней рядом в лагере для перемещенных лиц. В прошлом она никогда не говорила, но однажды не выдержала и рассказала все.

- Перл, – сказала Ганя дрогнувшим голосом, – я хочу тебе рассказать что-то очень

страшное. Может быть, мне станет легче, если я тебе расскажу. Я знаю, что долго не проживу. Но ты... ты попадешь в большой мир и расскажешь, что пережила сама и что услышала от других. И мир ужаснется, когда узнает, что уничтожение евреев было лишь первым звеном в цепи преступлений, задуманных нацистами.

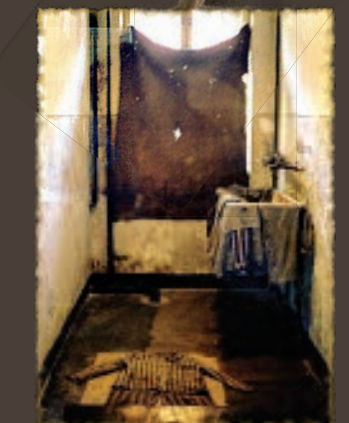
Немецкие ученые собирались уничтожить все те народы, которые вожди рейха считали неполноценными. Да, опыты по стерилизации они ставили на евреях, но результаты годились для всех...

Ганя тяжело дышала.

- Понимаешь, я ведь все это видела. Был такой период, когда я в Освенциме ухаживала за больными. Это было в 20-м и 28-м блоках. Там проводилась целая серия экспериментов. Например, в тело человека пересаживали раковые клетки, чтобы проверить, носит ли болезнь заразный характер.

Другой группе подопытных заключенных не давали пищу и пресную воду. В комнате стояла цистерна с морской водой – из нее можно было пить свободно. Так проверяли, сколько времени люди могут прожить в море без воды и пищи. Опыт, естественно, продолжался, до конца...

Но еще страшнее было в 33-м блоке, где я тоже работала. Там проводились опыты по стерилизации рентгеновскими лучами.

Немцы пригнали две группы заключенных: сто мужчин и сто женщин. Сначала на облечение повели мужчин. Они выходили оттуда, шатаясь и крича от боли. Женщины сопротивлялись, их загоняли внутрь дубинками, пока у одного немца-санитара не лопнуло терпение – он застрелил одну заключенную, и это сломало остальных. Наверно, им повезло: женщин облечали меньше дозой. А из сотни мужчин выжили только трое...

Руководителем отделения рентгеновской стерилизации был профессор Шуман. Однажды я услышала его разговор с ассистентом. Профессор рассказывал о неудачной попытке провести стерилизацию евреек и цыганок так, чтобы они не узнали о том. Их облечали все то время, что они стояли в очереди к кухонному окошку, а еще за столом, где они вязали. Стол был установлен на покрытии из особого стекла, под которым скрывался рентген-аппарат.

- Видимо, доза облечения была недостаточной, - сокрушался профессор. - Придется поломать голову, чтобы найти простой и надежный способ массовой стерилизации. Выхода нет – нужно предотвратить размножение неполноценных рас.

Один врач рассказал коллеге об опытах химической стерилизации: женщинам давали пилюлю, мужчинам – "чай".

Вскоре в блок привезли четырех женщин, единственных, кто остался в живых из большой партии. Клауберг что-то колот им, а потом распорядился перевести всех в 27-й блок – "на выздоровление". Выжить смогли только эти четверо...

Наверно, в том, что делали немцы, была какая-то система, но жертвы ничего в ней не понимали.

Однажды меня вместе с новой группой отправили в 33-й блок. Я знала, что меня ждет. В первый же день мне облечили рентгеном бедра и живот. Когда я вышла на свежий воздух, меня вырвало. Я с трудом дотащилась до койки и потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, чувство было такое, словно у меня в жилах не кровь, а свинец. Мне дали попить, но вода вызвала такие боли внизу живота, что я закричала.

Я пролежала платом почти месяц. Затем меня повели к врачу, который приказал лечь в гинекологическое кресло. Он воткнул в матку иглу с закругленным концом. Взял мазок, аккуратно положил пластинку под микроскоп.

Я молилась: "Пусть анализ покажет, что я бесплодна, только чтобы не повторился этот ужас!" Это была молитва девушки, которой не было еще двадцати лет и которая не знала мужчин.

Не знаю, услышал ли Бог мою молитву, но месяц меня не трогали. А потом снова стали водить на облечение... Меня терзал страх перед предстоящей операцией...

Оперировал немецкий врач с жестким, каким-то свиным лицом. До меня он делал операцию женщине из Голландии. Она легла на операционный стол и не встала. Я была уверена, что меня ждет та же судьба.

Врач ввел в позвоночник длинную иглу. Я перестала чувствовать нижнюю часть тела. Как в тумане, я видела, что врач разрезал мне живот и копается внутри. Закончив, он взял банку положил в нее что-то маленькое и круглое. В банке был формалин, а "что-то" было моим яичником...

"В этой банке была похоронена моя способность стать матерью, – успела подумать я перед тем, как потерять сознание. Через месяц мой второй яичник тоже попал в банку с формалином..."

Однажды немцы отобрали пятнадцать женщин, поместили их в отдельную комнату, прекрасно кормили, выдали новые платья и платки. Хорошо одетые и сытые женщины часами гуляли по двору. В 10-м блоке им все завидовали. Но длилась эта идиллия недолго. После очередного осмотра часть женщин вернули в блок, а остальным сделали уколы в области ключиц и в головы. Женщины жаловались, что после этих инъекций они все видят, как в тумане. Их продолжали колоть каждые три дня, а однажды вечером увезли. Говорили, их отправили в учреждение, которое занималось исследованиями, подтверждающими расовую теорию. Всех, кто туда попал, мумифицировали...

...

Пнина услышала, что любовь Гани и Макса началась в гетто. Наверно, при других обстоятельствах они бы даже не познакомились, поскольку принадлежали к разным слоям общества.

Макс был из простой семьи, а родители Гани считали элитой. Но в гетто все барьеры рухнули.

Максу повезло, он выжил. И сразу же начал поиски своей возлюбленной. В Мюнхене ему сообщили, что в лагере для перемещенных лиц находится какая-то подруга Гани. О том, что и его любимая там, он не догадывался, пришел искать подругу.

Когда Макс постучался, все были заняты: Перл укладывала чемоданы, Ганя и Двойра возились с ее свадебным платьем.

- Войдите! – крикнула Перл.

Вошел высокий мужчина с красивым и энергичным лицом. Ганя узнала его сразу.

- Макс! – вскрикнула она, не веря своим глазам.

Макс смущенно переводил взгляд с одной женщины на другую. Наконец он обратился к той, кто узнал его.

- Простите, – начал он неуверенно. – Вы назвали меня по имени. Значит, вы знаете меня. Ваше лицо и ваш голос кажется мне знакомыми. Напомните, пожалуйста, где мы встречались...

В комнате стало тихо. Перл ничего не могла понять. Сначала она подумала, что это какой-то другой Макс. Потом ей вдруг пришло в голову, что Макс нашел себе другую и теперь разыгрывает перед Ганей спектакль.

Она привыкла к Гане, к тому, как она выглядит. С тех пор, как они познакомились, та всегда была такой – сломленной, замученной, бесконечно уставшей женщиной. Она не могла себе представить ту Ганю, какой ее помнил Макс.

- Макс! – дрожащим голосом тихо повторила Ганя.

Парню совсем не нравилась эта странная ситуация. Пытаясь разрядить напряжение, он пошутил:

- Не станете же вы уверять, что вы – моя тетя.

- Макс! – снова произнесла Ганя, и голос ее был страшен.

- Кто вы? – испуганно спросил Макс, поняв, что шутка не прошла.

Ганя молчала и только смотрела на него, не отводя взгляда.

Макс обратился к Перл:

- Скажите, прошу вас, скажите, кто эта женщина и что она от меня хочет?

- Это Ганя, – тихо промолвила Перл, не глядя ему в глаза.

- Ганя... – эхом повторил Макс, еще ничего не понимая, но правда постепенно дошла до него. Он взял слабую руку Гани и поднес к губам.

- Прости мне эту шутку, дорогая, – пробормотал он, стараясь не смотреть на девушку. – Конечно же, я сразу узнал тебя.

Выверев набежавшие на глаза слезы, Ганя вырвала руку и выбежала из комнаты. Макс стоял, словно окаменевший.

- Я вернусь завтра, – немного погодя сказал он, ни к кому не обращаясь, словно самому себе пообещал. – Ей надо успокоиться... Я люблю ее и никогда не брошу.

Он медленно повернулся и пошел к двери. У самого выхода Макс остановился и пробормотал:

- Боже мой, как она изменилась...

Перл и Двойра не ответили. Он поднял руку и словно погрозил кому-то кулаком:

- Она еще будет молодой! – и с силой захлопнул дверь...

■■■

Осталось мало живых свидетелей, которые могут рассказать о существовании гетто в городах Староконстантинов и Грицев во время войны. За 2 года существования гетто там было расстреляно, сожжено, заживо похоронено более 20 тысяч человек.

Наука выживания

Девичья фамилия Лиды (Иды) Клейман – Дрель. Родилась она в 1931 году в местечке Грицев Каменец-Подольской области (теперь Хмельницкой). Отец заведовал свеклопунктом на маленькой соседней станции Четырбоки, и к моменту начала войны жена и обе дочери – десятилетняя Лида и двухлетняя Ася (Хися) жили там, в Четырбоках. Лида училась во втором классе украинской школы.

Когда стало ясно, что вот-вот придет фашисты, отец Лиды помчался на подводе в Грицев, чтобы вывезти оттуда стариков-родителей. Но не успел: вся округа была уже в руках немцев. Семья Лиды вернулась в местечко.

Оккупационные власти приказали всем грицевским евреям повесить на свои дома шестиконечные звезды, а к одежде прикрепить желтые кружки, вырезанные из ткани.

Вскоре на смену немецким пехотным частям в местечко пришли эсэсовцы. Они сразу же приступили к акциям уничтожения. Лида помнит, что десять мужчин посадили в лодки, вывезли на середину пруда и сбросили в воду. Их били прикладами и веслами по головам, пока не утопили. Спасся один человек – дядя Лиды. Он нырнул поглубже и проплыл под водой до зарослей камыша, до вечера там просидел, под водой, дышал через тростинку. Ночью еле живой, весь в ссадинах и синяках, он приполз домой.

Вскоре евреев согнали в гетто и обнесли его колючей проволокой. Облыва, всех, кто успел спрятаться, согнали на двор школы. Родителей Лиды не схватили, но сама она стояла в толпе с Асей на руках. Мужчин под дулами автоматов заставили лечь на землю, женщин и девушек отвели в сторону. Стариков и детей загнали в здание школы. Мужчин вывезли в лес и расстреляли. Потом настала очередь женщин...

Лида с сестренкой сидела в каком-то школьном классе и смотрела в окно. Она не очень хорошо понимала, что происходит. Ей хотелось есть и пить. Было жарко, душно, августовское солнце слепило глаза. Хорошо хоть, что проходивший мимо эсэсовец прикладом высадил стекло.

Лида видела, как из гетто прибежал какой-то законопослушный еврей. Он обратился к полицаям, мол, извините, не знал, опоздал... Его тут же уложили выстрелом в упор.

Когда немцы и шуцманы ушли, люди стали потихоньку выбираться из школы. К девочкам присоединилась их тетя. Она была еще молода, но, надвинув на лоб платок и сгорбившись, сумела притвориться старухой. Тем и спаслась.

Лиды Клейман

Проходивший мимо мужичок сказал по-украински: «В лесу всех ваших постреляли, из-под земли кровь просачивается».

Оставшиеся в живых возвратились в гетто. Там все было перевернуто. «Добрые соседи» успели вынести все, что могли дотащить. Стариков и больных стаскивали с кроватей, рылись в перинах и матрасах – искали ценные вещи.

Времени на переживания не было – нужно было выживать. Лида таскала воду и мыла полы в комендатуре. Вместе с другими узниками гетто работала под надзором полицаев: весной и осень очищала дороги от грязи, зимой разгребала снежные завалы. Работа была тяжелая для ребенка, но шуцманы никому не давали передохнуть, то и дело лупили по ногам резиновыми жгутами.

Иногда Лида получала за свою работу черствые, заплесневелые хлебные корки. Часть своего «пайка» она приносила сестренке.

Пришла очередная напасть – так называемая контрибуция. Власти потребовали, чтобы евреи отдали золото и драгоценности, которые они якобы скрыли. В роли «наводчиков» выступали бывшие соседи. Они-то прекрасно знали, кто был позажиточнее, кто беднота. Тех, кто не сдал ценности, пыта-

ли. Мать Лиды и ее сестру опускали в прорубь. Потом их бросили в холодный погреб. А все потому, что отец их был когда-то купцом первой гильдии. Про то, что его давным-давно ограбила советская власть, слышать не хотели.

После первого массового расстрела последовал второй, в лес увезли

много молодых девушек. Квалифицированных ремесленников какое-то время не трогали. Как и работавших в мастерской по изготовлению веревок и щеток – одежных, сапожных, малярных и зубных. Лида тоже работала в этой мастерской.

Однажды утром всех обитателей гетто, кто не успел спрятаться, увезли в Старо-Константинов, куда для окончательной ликвидации свозили евреев со всей округи. Мать Лиды не нашли, а отец к тому времени уже ушел в партизаны. В Старо-Константинов привезли бабушку, Лиду и малышку Асю. Им повезло, расстрельные команды были так завалены работой, что «очередь» продвигалась медленно. Пока она дошла до евреев Грицева, они успели уйти – пешком ушли домой, в гетто. Лида шла 25 километров с Асей на плечах.

Однажды, вернувшись из Четырбоков, куда Лида ходила добывать еду, она обнаружила, что в гетто никого нет. Всех снова отправили в Старо-Константинов. На этот раз попалась мать Лиды. Из кузова машины, в которой

На месте расстрела евреи сами копали огромный ров в продолжение предыдущего. Когда их вели туда, все уже знали, куда их ведут.

Из 5000 евреев Старо-Константиновского гетто и 400 Грицевского – живыми остались всего 7 человек: сестры Дрель Лида и Галя, их мать Дора и Тейтель Срулык. На месте гибели евреев гетто установлен скромный памятник.

Больше всего евреев-партизан сражались в Беларуси — около 30 тысяч. Число партизан-евреев на территории Украины превышало 25 тысяч. Еще 2 тысячи евреев насчитывали отряды, действовавшие в Прибалтике.

их увозили, мама успела крикнуть знакомому украинцу Ганабе: «Передайте Лиде, чтобы бежала отсюда куда глаза глядят!» Ганаба передал. Лиде не послушалась мать, она добралась до Старо-Константинова, пролезла под колючей проволокой и отыскала мать. «Немедленно уходи!» — крикнула та и заплакала.

Лиде ушла.

В соседнем селе Мокиевцы старостой был приятель их семьи — Пето Маленчук по прозвищу Рябэнький. К нему-то Лиде и отправилась за помощью. Он помог: на возу, набитом соломой, Петро приехал в Старо-Константинов и под покровом темноты вывез мать Лиды и Асю.

К тому времени в окрестных лесах уже вовсю действовал партизанский отряд Ланового. В нем сражался отец Лиды, которого вместе с другими евреями привел к партизанам Исаак Билык. Здесь же воевал и участник гражданской войны, опытный воин Сруль Тейтель.

Семья решила, что Лиде с матерью уйдут к партизанам, а малышка Ася останется пока в семье Маленчуков — под видом малолетней родственницы.

Ей внушили, что ее теперь зовут Галька. На шею повесили крестик. «Галька» жила в разных украинских семьях села Мокиевцы, однажды ее даже хотели сдать в женский монастырь, монашки которого укрывали несколько еврейских девочек, но Асю туда не приняли по малолетству. Благодаря усилиям многих лю-

дей Ася осталась жива, здравствует и поныне.

В отряде Лиде выполняла функции разведчицы и связной. Часто навещалась в будку путевого обходчика, где получала информацию о движении эшелонов с солдатами, оружием, боеприпасами. Партизаны на основании этой информации закладывали взрывчатку на железнодорожных путях, а если взрывчатки не было, просто разбирали рельсы и шпалы. Поезд останавливался, из вагонов выскакивали фашисты, и партизаны расстреливали их из засады.

Лиде ходила по селам, где «свои люди» знали, куда немцы свозят молотилки, чтобы тут же, на поле, набить зерном мешки, которые потом отправлялись в Германию. Лиде сообщала сведения партизанам, и те уничтожали молотилки и охрану.

Жили партизаны в лесу, иногда ночевали в селах у «своих». Не всегда в хатах — чаще на чердаках, в сараях. Во время одной из таких ночевки в хату нагрянули немцы. В перестрелке погиб отец Лиды — на глазах у дочери. Ей удалось сбежать. Это произошло в октябре 43-го — до прихода Красной Армии оставалось всего четыре месяца...

Антисемитизм существовал и в партизанском отряде. Евреев посылали, как правило, на самые опасные задания, порой — на верную гибель. Иногда можно было заметить, что человек убит не врагами, а «товарищами по оружию» — выстрелом в спину. Из евреев, партизанивших вместе с Лидой,

в живых остались только двое Билык и Тейтель, впоследствии ставший ее отчимом.

В 41-м году украинское население встречало немцев хлебом-солью на вышитых рушниках. Молодежь, которую отправляли на работу в Германию, провожали с цветами и оркестрами. Когда же из Германии стали приходить не очень-то веселые письма, наступило некоторое разочарование. К тому же крестьяне стали уставать от поборов, а то и откровенного грабежа, чинимого оккупационными властями. Поэтому к концу 43-го года многие ярые антисоветчики вдруг превратились в «верных ленинцев», вчерашние фашистские прихвостни устремились в леса, к партизанам...

После войны Лида стала студенткой Киевского медицинского института. Отучившись какое-то время, она решила перевестись в педагогический институт, на филологический факультет. Ей отказали.

«Я имею право, — упорствовала девушка, — как участница войны, бывшая партизанка». Председатель приемной комиссии в ответ лишь ухмыльнулся. Тогда Лида записалась на прием к Квопаку. Тот взъярился, бросился звонить. Так Лида стала студенткой филфака. Недавний весельчак встретил ее почтительно и даже подобострастно.

В Израиль Лида Клейман приехала с мужем Иосифом и сыном Александром в 1973 году. Пошла на курсы, получила право работать учителем, много лет трудилась в больнице «Абарбанель», где занималась детьми-инвалидами.

Вскоре после приезда семья Клейман получила от государства отличную квартиру в Холоне, где они живут по сей день.

Лидия уже на пенсии. Сын стал врачом, старшая внучка Ревиталь оканчивает школу, младшая еще учится. Этим девочкам никогда не узнать того, что в их возрасте пришлось затвердить наизусть их бабушке — науку выживания.

Лида с мужем

Причины замалчивания участия евреев в партизанском движении в СССР после войны очевидны: на волне антисемитизма и борьбы с «космополитами» конца 40-х гг. упоминание о партизанах-евреях было невозможно. Да и позднее кто бы позволил в СССР писать о героических подвигах партизан-евреев, эмигрировавших после войны в Израиль?!

Берта и Давид,

Красная армия отступала из Минска. Вместе с отступающими войсками уходил из столицы Белоруссии и студент медицинского института Давид Харах. Еще недавно он сидел на лекциях, зубрил латынь, сдавал экзамены, знакомился с девушками, ходил в кино... И вдруг всего этого не стало. Война ведь не считается с нашими планами, нашими мечтами и надеждами. В одно мгновение исчезла мирная жизнь, о которой ему теперь останутся лишь воспоминания...

Давид родился в 1920 году в городе Слуцке. Его семья была патриархальной, в ней строго соблюдались все традиции, отмечались еврейские праздники, строго соблюдался кашрут. Мальчик учился в еврейской школе, а после окончания десятого класса поступил в Минский медицинский институт – родители верили, что из их сына получится прекрасный врач...

Доучиваться пришлось в далеком Воронеже. Жизнь в эвакуации была нелегкой, но Давид все же сумел окончить институт и получить диплом. Практически сра-

Берта

зу же его призвали в действующую армию. Сначала он попал в 163-ю особую танковую дивизию, где был врачом отдельного моторизованного батальона. С 1942 по 1946 год Харах выполнял обязанности командира медсанчасти 46-го гвардейского полка 16-й гвардейской дивизии.

Давид не только спасал жизни раненых – нередко ему приходилось отражать атаки врага. Свою первую боевую награду, медаль "За отвагу", доктор Харах получил за мужество и стойкость, проявленные в бою на передовой.

- Во время боевых действий наш медперсонал работал большей частью в полевых условиях, без отдыха и сна, – вспоминает Давид Харах. – Смерть всегда шагала рядом, но нам некогда было обращать на нее внимание.

Вместе с Давидом в медсанбате 16-й гвардейской дивизии работала молодая доктор Берта Гинзбург, милая большеглазая девушка, которая заставляла его сердце биться чаще. Он влюбил-

Давид

ИСТОРИЯ ВЫЖИВШИХ

ся в Берту, а она не могла не ответить на его чувства. Так родилась любовь, которой суждено было продлиться намного дольше, чем шла война...

Она родилась в Кировограде, в семье ортодоксального еврея.

- Отец, — вспоминает Берта, — окончил йешиву и шесть классов гимназии. По тем временам это было неплохое образование. Работал он бухгалтером на лесоскладе. Мама занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. Она помогала отцу во всех его делах. Мы очень любили маму, сейчас я часто вспоминаю наши семейные обеды, атмосферу нашей семьи, где все говорили на идиш...

В 1920 году был ужасный погром. Отца сильно избили и бросили в подвал, где он находился в течение трех суток. После этого он уже не оправился. Отец не мог работать, и наша семья в одночасье из благополучной превратилась в нищую. Мы разорились. Нелегко было маме одной прокормить такую большую семью, четверых детей. Несчастья

Дядя Берты

преследовали нас — вскоре умерла бабушка. Мы еле-еле сводили концы с концами, все чаще голод давал о себе знать.

Мы переехали в Бобруйск. Там я поступила на подготовительные курсы и закончила их с отличием. Я всегда мечтала стать врачом, и наступило время, когда моя мечта начала сбываться. Я успешно сдала экзамены и поступила в медицинский институт, который окончила в 1941 году. На шестой день меня как военного врача направили на фронт. В первый же день в больницу, где я оказалась, в тяжелом состоянии привезли двенадцать раненых. Это было мое боевое крещение...

На мне была огромная ответственность. Иногда я проводила операции, еле сдерживая слезы — так мне было жаль тех молодых ребят, оказавшихся на операционном столе, на грани жизни и смерти. Но я должна была сдерживаться, не показывать свою слабость. Врач должен быть сильным, он обязан поддерживать, приободрять пациентов. Я

Сестра Берты

Родители Берты

могла дать волю слезам только в свободные минуты, которые случались крайне редко...

Однажды на операционном столе оказался молоденький солдат, почти мальчик. Состояние его было очень тяжелым: раздроблена плечевая кость, большая рваная рана с признаками начинающейся гангрены. "Сколько времени ты пролежал на поле боя?" – спросила я его. Солдат расплакался: "Тетя доктор, санитары прошли мимо, я звал их, но услышал, как один сказал: "Ничего, пусть жиденок еще полежит". Мы плакали с ним вместе, боец и "тетя доктор", которой в то время было 24 года.

Я горевала об этом парнишке, и о своем брате, воевавшем в саперных частях, и о старшей сестре, которая погибла из-за своей национальности. Этель тоже была врачом медсанбата, в 1942 году попала в плен. Ее вместе с другими евреями расстреляли перед строем.

Мама страшно за всех нас, ушедших воевать, переживала, надеялась увидеть целыми и невредимыми. Но мы больше никогда

ее не увидели, как и всех остальных членов нашей семьи. Как нам впоследствии стало известно, родителей после страшных издевательств убили в ноябре 1941 года. Примерно в то же время я, еще ничего не зная о судьбе моей семьи, увидела вещий сон: маму опускают в глубокую темную яму, она молит меня о помощи – я тяну ее за волосы, пытаюсь вытащить, но она падает... Этот сон преследует меня всю жизнь.

В одном из боев Берта была контужена, но как только она почувствовала себя лучше, сразу же вернулась в свой операционно-перевязочный взвод 16-й гвардейской дивизии.

Смерти она уже не боялась, та постоянно была рядом. Более всего Берта страшилась попасть в плен, и твердо решила, что живой не сдастся. У нее всегда было при себе средство, с помощью которого она могла воплотить в жизнь свой план.

На войне случалось всякое, и медсанбат не раз попадал в окружение. Приходилось сражаться и оперировать под огнем про-

тивника. Однажды, очутившись в такой ситуации вместо со штабом дивизии, медики были вынуждены вызвать огонь на себя. В 1942 году на Калининском фронте госпиталь развернул свое хозяйство в большом доме, который, как оказалось, фашисты заминировали. При взрыве погибло много врачей, Берту смерть пощадила...

- Мы с женой часто вспоминаем кровопролитную битву на Курской дуге, — рассказывает Давид. — Там мы, врачи медсанбата, сутками не отходили от операционных столов, спасали раненых. Право на короткий отдых можно было получить только по приказу начальника медсанбата.

После разгрома тридцати немецких дивизий мы стали готовиться к наступлению. В лесу были поставлены палатки с медицинским оборудованием. Рядом с ними находились гвардейские минометы "катюши". Никогда не забуду мощные залпы "катюш", артиллерийских орудий, после которых наших войска перешли в наступление. Практически сразу же к нам начали поступать ра-

ненные. Было их очень много...

Невозможно забыть и тяжкие бои, которые наша дивизия вела в Восточной Пруссии. Санрота, которой я командовал, попала под массивный артобстрел. Погибла половина личного состава. Я тоже был ранен, ноне ушел с поля боя, остался и продолжал оказывать помощь раненым...

Семья Давида тоже сгинула в огне Холокоста, и День Победы, 9 мая 1945 года они встретили со смешанным чувством — радости и боли за тех, кто не дожил. Они решили соединить свои судьбы, и в 1946 году поженились. После войны семья врачей обосновалась в Вильнюсе. Она стала акушером-гинекологом, он — невропатологом.

В 1975 году Берта и Давид Харах репатриировались в Израиль. Пятнадцать лет они еще работали врачами больничной кассы. Сейчас они оба уже очень не молоды, но продолжают бороться за то, чтобы память о Холокосте не исчезла.

- В израильских школах много говорят о Катастрофе еврейства, — говорит Берта. — Детей возят на экскурсии в лагерь уничтожения. Многие, но, к сожалению, далеко не все глубоко понимают, что на самом деле происходило в то время. Возьмите хотя бы одну мою семью Гинзбург — погибло пятьдесят человек. Все эти годы я искала родных, надеялась, что хоть кто-то выжил. Только через шестьдесят лет нашелся один брат. Все эти годы он был записан в "Яд ва-Шем" как погибший...

В Бобруйске, там, где погибла вся семья Берты и другие евреи города, в 1947 году поставили памятник. Не надгробие, просто памятник. Потому что никаких следов захоронения не нашли. Эти евреи словно исчезли с лица земли...

Тетя Берты

Клара Тихонович: "И прошлое будет казаться им таким далеким..."

Меня зовут Клара. Клара Шоломоновна Левина. Это потом я стала Кларой Тихонович. И Семеновной – много лет назад одной моей начальнице не понравилось мое отчество, она никак не могла его то ли выговорить, то ли запомнить, так я стала Семеновной. Я к этому привыкла. В Израиле нет отчеств. Здесь я просто Клара...

Родилась я в 1923 году в белорусском городе Гомеле. Мой отец, Шалом Хаймович Левин, писатель, был одним из самых известных людей в Гомеле. Профессор литературы, историк, человек-энциклопедия. Его имя можно было найти в учебниках истории и исторических книгах – в сносках, в смысле: "подробности у Ш. Левина".

Маму звали Хана Ароновна Левина (Гестрина). Она занималась детьми и домом. Папа работал в редакции газеты, был редактором отдела. Деньги в дом, пока не подросли дети, приносил только он, нужно было как-то выкручиваться, чтобы прокормить такую большую семью.

Мама покупала самые дешевые продукты, но умудрялась приготовить из них поразительно вкусные блюда. Никто порой не мог догадаться, из чего что приготовлено. Из вареной капусты она делала форшмак, а из чечевицы – рубленую печенку. Только благодаря нашей искуснице маме много лет спустя никто из сестер не умер с голоду в эвакуации.

Мы жили на улице Артема (когда-то эта улица называлась Крушевский спуск), в доме номер шесть. Это здание отличалось от всех соседних своей красотой, архитектурой – огромные окна, два кирпичных крыльца с резными дверями, ажурными узорами. Когда-то этот дом принадлежал князю Паскевичу, говорили, что он подарил дом своему племяннику. После революции дом перешел в собственность государства.

Когда-то наша семья жила в подвале дома номер десять на той же улице. Квартуру в княжеском доме им дали, когда родилась я.

В нашей семье было девять человек. Я помню только семерых. В памяти осталось, как в три года я ждала появления на свет моей младшей сестренки Эмочки. Я ходила в детский сад, который находился в здании школы имени Ленина – это была еврейская школа, в ней училась моя старшая сестра Рахиль (Рая). Мама с папой звали ее Рокхе.

Она уехала в Ленинград к брату Хаиму, жила там, работала. Перед войной приехала в Гомель и вместе со всеми попала в эвакуацию – в Казахстан.

Старший брат Хаим, сколько себя помню, жил в Ленинграде. Высокий черноволосый красавец, он был поэтом, писал стихи на идиш. Дружил с Перецом Маркишем, Самуилом Михоэлсом. По его произведениям ставились спектакли. Хаим был очень своеобразным человеком, одевался, ходил, разговаривал – все делал не так, как другие. Я помню его в кожаном пальто, в шляпе, а на шее был повязан шарф, один конец которого Хаим перекидывал на спину. Когда он приезжал в Гомель, его каждый раз арестовывали, снимали с поезда, потому что принимали за иностранного шпиона. Встречавший сына на вокзале папа первое время очень пугался, переживал, потом привык.

Хаим погиб на фронте.

Средний брат Арон, когда началась война, он ушел на фронт и погиб в Прибалтике. Накануне войны он только-только отслужил в армии, демобилизовался и всего пару дней побыл дома... У него даже девочки не было... Меня угнетает, что я не

помню его лица. Помню множество разных лиц, посторонних людей, чужих, а брата – нет...

Моя старшая сестра Этя после окончания школы уехала в Минск, поступила на юрфак, в 38-м году получила диплом. После войны она вышла замуж, жила в Вильнюсе. Работала следователем. После смерти мужа вернулась в Минск.

Еще одна старшая сестра, Песя, когда мне исполнилось четыре года, умерла от воспаления легких, ей было 18 лет. Ее я тоже не помню.

В 1937 году папу арестовали и как врага народа сослали в Казахстан, вернулся очень слабый из ссылки, а тут война, эвакуация – и снова в Казахстан, там он, еще неокрепший после ссылки, и умер от голода. Я не поехала со всеми, осталась в Гомеле. Мы с ребятами скидывали фугаски с крыш. Я собой гордилась: Родину защищаю, героиня! Дом родители закрыли, побоялись на меня оставлять, и я ночевала у подруги. Даже не подумала вещи какие-то взять, а дверь открыть – не посмела. Очень скоро пожалела об этом. Соседи рассказывали, что видели, как из окна нашей квартиры какая-то женщина кричала вслед колонне евреев, которых вели немцы: "Фира, сними шубу, она тебе не нужна, тебя же на расстрел ведут!"

Дословно не помню, но смысл такой.

Одна моя подруга Нюра давала мне свою одежду. Голодали мы, мерзли, вши нас поедом ели. Сейчас уже не помню даже, как они выглядят – эти насекомые. Но, кажется, если бы увидела, тело бы вспомнило!

Помню, как, убегая от немцев, мы с семьей Нюры больше месяца добирались до своих – пешком, ползком, в эшелонах с солдатами, на пароходах... Платье мое все изодралось, тело грязное и чешется, немилосердно чешется. До крови расчесывала, начались нагноения, фурункулы – у меня по сей день от них на теле отметины.

Голод был страшный. Добрались мы до одного населенного пункта, где нам – счастье какое! – выдали хлебные карточки. В продуктовом магазине я купила хлеб на два-три дня. Пока до дома дошла, а он в двух шагах был, всю корочку съела, один мякиш оставался, тяжелый, сырой. Но в квартиру я зашла уже и без него, съела. Потом с вздутым животом лежала, отекая вся, ноги как колоды.

Иногда я ходила в столовую. Там продавали суп и 100 граммов хлеба к нему. Вот ради хлеба я и брала по три-четыре тарелки супа, от которого меня рвало.

Пришла я однажды в магазин за хлебом, и продавщица, увидев, как я выгляжу, кажется, испугалась: она здоровущий кусок хлеба мне отрезала и еще кусок пирога с крупой какой-то. Талон даже не вырезала. Я ей говорю, мол, талон, и на пирог, дескать, у меня денег нет, а она уже кричит: "Следующий!"

Многие люди мне помогали, я их помню. Я все помню, война, все эти тысяча четыреста восемнадцать дней и ночей – они сидят во мне, не забыть, не выбросить из памяти.

Оказались мы в деревне. Помню, бабы деревенские очень меня жалели, сиротинкой звали, помогали чем могли. Чтобы я могла получить 150-200 граммов фуражной муки, нужно было работать в поле: полоть, сажать, перебирать, сортировать и пр. Научилась. И еще я стала зарабатывать тем, что читала бабам письма, которые им мужья и сыновья с фронта присылали. Как они рыдали, а потом просили перечитывать, и я читала, читала, читала... Вот из-за этих самых писем и захотела я на фронт. Одного ранили, другого убили, третий и вовсе сбежал... Господи, кто же воевать-то будет? Ночами не спала, все думала. Советовалась с соседями, с друзьями. Решила – пойду воевать. Стрелять не умею? Научат!

В общем, начала я писать в военкомат – проситься на фронт. Долго мне ничего не отвечали. Я уже и Ворошилову написала, в ответ – молчание. А потом пришел отказ. Тогда я сама в военкомат пошла, не раз пришлось туда ходить, а это сорок километров в один конец. После очередного отказа зимой 43-го я снова пошла пешком в район. Два дня ночевала с крысами в приемной военкомата, досаждала военкому своим плачем. И на третий день он выписал мне повестку.

Провожали меня всем селом... Кто хлеба дал, кто картошки, председатель – большую такую бутылку молока – ее называли "четверть". Лошадь дали, но такую,

19 августа 1941 года немецко-фашистские войска ворвались в Гомель. Гитлеровцы установили жестокий оккупационный режим. Они создали в городе несколько тюрем, 5 лагерей смерти и 6 отделений, расстреляли и замучили более 100 тысяч военнопленных и мирных жителей.

За малейшее невыполнение распоряжений властей гомельчанам угрожали тюрьма и расстрел. В Гомеле постоянно находился немецкий гарнизон численностью более 8 тысяч солдат и офицеров, различные карательные службы.

Погибло более 55 тысяч жителей, свыше 5 тысяч угнаны на каторжные работы в Германию. Население Гомеля уменьшилось более чем в 9 раз.

что еле шла, только ко второй половине дня добрались в военкомат. Там меня подстригли, выдали обмундирование, посадили в машину и повезли. Вскоре нас высадили и завели в какой-то дом. Утром объявили, что из таких, как мы, будет сформирована 10-я бригада ПВО, задачей которой будет защита заводов Казани, ТЭЦ и железнодорожный мост через Волгу от воздушного противника. Нас учили, как пользоваться оружием, что в то время было на вооружении у службы связи – по пять-шесть часов в день мы учились только этому. Плюс строевая подготовка. На посту я только один раз стояла, так как вскоре окончила школу младшего состава и стала командиром.

Красноармеец Левина на третий месяц службы в армии получила свое первое звание – ефрейтор. Для меня это звучало как "генерал"...

Полностью окончить курс не удалось, немец наступал – нас погрузили в эшелоны и повезли на фронт.

После Казани я оказалась в Смоленске, где было сформировано дивизионное управление ПВО, в состав которого входил и мой 574-й полк. Затем мой полк вошел в

состав 81-й дивизии, командовал которой полковник А. И. Купча. Именно он приказал командиру нашей батареи старшему лейтенанту Крячко представить меня к награждению орденом Красной Звезды, но я его так и не получила.

Впоследствии наш полк входил в состав 90-й дивизии ПВО, которая включена в состав 14-го корпуса ПВО.

Не женское это дело – вспоминать номера частей и соединений, но не зря же писательница Светлана Алексиевич назвала свою книгу "У войны не женское лицо" – воевать женщине совсем не просто. Одной из героинь этой книги, кстати говоря, являюсь я. Вот отрывок из нее: "Клара Семеновна Тихонович, старший сержант, зенитчица.

"До войны я любила все военное... Мужское... Обращалась в авиационное училище, чтобы прислали правила приема. Мне шла военная форма. Любила строй, четкость, отрывистые слова команды. Из училища ответили: "Окончите сначала десять классов".

Конечно, когда началась война, с моими настроениями я не могла сидеть дома. Но на фронт меня не брали. Никаким образом, потому что мне шестнадцать лет. Военком говорил, мол, что подумает о нас враг, если война только началась, а мы таких детей берем на фронт, девочек несовершеннолетних.

- Врага бить надо.

- Без вас разобьют.

Я убеждала его, что я высокая, что мне никто не даст шестнадцать лет, а обязательно больше. Стою в кабинете, не ухожу: Напишите восемнадцать, а не шестнадцать лет". – "Это ты сейчас так говоришь, а потом как меня вспомнишь?"

А после войны я уже не хотела, вот уже как-то не могла пойти ни по одной военной специальности. Скорее бы снять с себя все защитное... А к брюкам у меня до сих пор отвращение, я их не надеваю даже тогда, когда еду в лес. За грибами, за ягодами. Хотелось носить что-то обыкновенное, женское..."

На фронте я вступила в комсомол, в Смоленске. Обманула всех, сказала, что родители погибли в Гомеле. Не призналась, что отец был осужден. В то время такие бои шли, такая стрельба! Мы сбивали самолет за самолетом, их было так много, что небо казалось черным. Командирами взводов были молоденькие лейтенанты, необстрелянные, только после курсов. Как-то раздалась команда "воздух", и мы бросили на свои боевые места. Я села за "СОН" (станция орудийной наводки) – новое совсем по тем временам оружие, начала крутить ручку, искать где, в каком квадрате противник – мне было нужно сообщить командиру все данные, чтобы он уже потом передал по радиации дальше, чтобы уже другой командир скомандовал "огонь". Все это происходило очень быстро.

Рядом со мной стоял мой командир-лейтенант, молоденький, хорошенький. Четко действует, все ведь отработано во время тренировок между боями. И я заметила, что он, ни на секунду не останавливаясь, то одну пуговку застегнет, то другую. Не успел, видно, спешил. А мы, девчата, ухитрялись успевать только потому, что, ложась спать, старались оставить на себе как можно больше одежды. Когда вскакивали по тревоге, это выручало.

После боя командир поздравил меня с получением комсомольского билета и поблагодарил за отличную службу. Я полезла в карман гимнастерки за билетом, а

его там нет! Трясусь, плачу, ищу – думаю, все, скажут, мол, контра, дочь врага народа. Хорошо, подруга подсказала – оказывается, я билет в "чисто женское тайное место" припрятала, за пазуху!

В одном из боев у нас связь прервалась. Было ясно, что где-то на линии провод пробит. Без связи не повоюешь. Я в то время была помкомвзвода связи батареи. Пошла сама связь восстанавливать: нашла один конец провода, а второй – никак. Ищу-ищу и все без толку. Времени уже много прошло, стемнело, холод собачий. Ноги скользят. Ну и страшно, конечно. Нашла наконец я этот второй обрывок провода, вижу его, на снегу лежит, а дотянуться не могу. Легла на снег и, не выпуская из одной руки первый обрывок, дотянулась до второго – тут меня и потрянуло! Через мое тело прошел ток – индукторный, убить не убьет, а все равно неприятное ощущение.

В общем, соединила я концы, восстановила связь и отправилась назад. Да и заблудилась! Долго плутала, вдруг увидела дерево – взобралась на него (пригодилось умение, приобретенное в детстве) и – вот же она, наша батарея, метрах в 500-600 всего! Думала, командир меня похвалит, мол, молодец, справилась. А он на меня набросился: "Где вас черти носят? Через час передислокация, а на новом месте я вас посажу!"

Приказ о передислокации прошел через мое тело, это и был тот самый звонок...

Меня до сих пор трясет, когда я вспоминаю этого лейтенанта Цимбала...

Помню, как в одном бою летом 44-го наша часть, одна из батарей 574-го полка, сбila восемь самолетов и сотни вражеских святающихся авиабомб.

Зимой, в одном из боев в Могилевской области тоже был памятный бой: самолеты бомбят, мы стреляем, отбили – а на бруствере пушки лежат неразорвавшиеся бомбы. Тут-то и помог мне навык сбрасывать фугасы с крыш домов.

А 24 апреля 1945 года два дивизиона нашего полка были отправлены на станцию Респен, где поставлены на оборону переправы через Одер.

В действующей армии я была одиннадцать месяцев три недели. Демобилизовалась я из армии в Ростове-на-Дону, где жила моя двоюродная сестра с мужем-инвалидом и детьми. Жизнь была тяжелой, все по карточкам, а меня не прописывали, семья сестры, которая с дочкой работала на военном заводе, кое-что давали мне из своих скудных пайков. Сначала я "проела" те несколько сот рублей, которые получила при демобилизации. Продала свою шинель – за бесценок, конечно, но на какое-то время это меня выручило. Когда совсем уже худо стало, я за гроши стала чем-то торговать – помогала соседке-спекулянтке.

Вскоре мы с сестрой вернулись в родной Гомель, куда летом приехали и моя мама с сестрами – Этей, Раей и Эммой. Мы поселились в подъезде, прямо на лестничной площадке. Месяц жили в землянке, которая была домом вдовы маминого брата, погибшего на фронте, и ее детей. Жить было негде, когда стало холодать, мы перебрались в Минск, где Этя нашла работу и квартиру.

В 1946 году родился мой первый ребенок, в 53-м – второй, в 55-м – третий. После рождения третьего мы получили квартиру, до этого мыкались с детьми по съемным квартирам, общежитиям.

Зимой 1995 года я со всей родней – сыновьями, невестками, дочерью и внуками, всего 14 человек – приехала в Израиль. Теперь нас уже 19, внуки подарили мне трех правнуков. Представляю, как они однажды скажут: А наши прадед и прабабка из Советского Союза... И понятия не будут иметь, что это такое, что за страна, которой уже давно нет на карте. И прошлое будет казаться им таким далеким.

Для меня с годами прошлое не отдаляется, наоборот – я вспоминаю и записываю, пишу книги. Во время войны наша семья потеряла отца, двух моих братьев, сестру, а еще многих дядьев, двоюродных братьев и сестер. А я выжила. Задержалась на этом свете. Перенесла операцию на сердце и снова живу. Гуляю с правнуками, целую их и благодарю судьбу за этот подарок. А еще за то, что им не придется пережить то, что пережили мы. О Холокосте, о Второй мировой войне, на которой воевали их предки, они будут только в книгах читать...

Письмо Елисаветинского Григория Давидовича, первого советского коменданта освобожденного Освенцима

4 февраля 1945 г.

Моя Любушка, Ненуся!

Вот уже три дня как я тебе опять не мог написать. Но на этот раз причины необычные. Мало того, что мы в движении, так то, что я пережил за последние три дня, не поддается никакому описанию. За три с половиной года войны я видел много ужасов и кошмаров, но то, что я лично видел в Освенциме, этого нельзя было себе представить даже при самой невероятной фантазии. Представь себе город, вокруг которого устроено 9 лагерей, в которых в среднем 60-80 тыс. народа со всех сторон мира. Но туда достаточно зайти, не только там быть, и увидеть этих людей, что бы лишиться рассудка. Здесь было четыре печи (крематорий), в которых ежедневно сжигали по 15-25 тыс. человек. В дни наибольшей нагрузки, когда не успевали в печах сжигать людей, их сжигали в таких специальных цементных ямах, куда людей бросали живыми. В этих ямах сжигали по 15 тыс. человек. Людей привозили сюда, якобы для санобработки, раздевали и вводили в такие подвалы, расположенные над печами, там все было устроено, как в душевой. Когда же подвал заполнялся от 1500 до 2500 чел., закрывалась дверь, и туда пускали газы. Через 10-15 мин. умерщвленных людей подавали наверх, где и сжигали в печах. При этом эти изверги рода человеческого заставляли сжигать свои жертвы из числа обреченных на смерть. Больше того – отца заставляли сжигать своих детей; сына – родителей, а потом и самих исполнителей сжигали. Еще сейчас там картина потрясающая. Везде валяется столько трупов, что я тебе передать не могу.

Входил в барак, где лежит в ряд 400 живых трупов. Эти люди лежат несколько дней, и никто к ним даже не входил. Никто им не давал ни есть, ни пить, и они лежали и ждали своей мучительной кончины. Можешь себе представить какой вой они подняли, увидев живых людей, в которых они сразу почувствовали своих спасителей. Сейчас развернут там госпиталь (наш), куда уже свезли 4000 чел., но это только капля в море. А если бы ты видела, что делалось с людьми, когда они увидели хлеб, они ноги целовали, они выли (буквально выли, а не плакали), как безумные.

В лагере имеется детский барак. Когда мы зашли туда, мои нервы больше не выдержали, у меня сперло дыхание, и слезы меня начали душить. Туда свели еврейских детей разных возрастов (близнецов). На них, как на кроликах, производили какие-то эксперименты. Я видел парня лет 14, которому с какой-то "научной" целью впрыснули в вену керосин. Потом у него вырезали кусок тела и послали в Берлин в лабораторию, ему же вставили другой кусок тела. Сейчас он лежит в госпитале весь в глубоких гниющих язвах и ничего с ним сделать нельзя. По лагерю ходит красавица-девушка, молодая, но умалишенная. Я вообще поражаюсь как эти люди, которых мы видели, не сошли с ума все. Да, если до сих пор мы освобождали лагерь смерти, то Освенцим можно по праву назвать "Город поголовного массового истребления невинного народа". До 15 миллионов человек они здесь истребили.

Ненуся, родуночная моя! Может, я не должен был тебе писать этого, но поверь, я не могу не поделиться с тобой. Четвертый день, как не ем, спать не могу. Я даже смеяться перестал. Я серьезно заболел. Как жаль, что я не обладаю даром слова и не владею пером. А то бы я все то, что видел, описал бы в печать, чтобы все читали, чтобы все знали, что такое немец, ибо до сих пор мы еще, оказывается, по-настоящему не изучили этих двуногих зверей. Теперь я только убедился, как бледно описывают в печати наши репортеры все ужасы и кошмары, чинимые немецкими зверями. Ведь если описать простыми словами то, что я видел, так люди бы, читая, рыдали.

Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме

Еще до освобождения Красной Армией польской территории в Верхней Силезии в Чрезвычайную Государственную Комиссию поступали многочисленные сведения о существовании вокруг гор. Освенцима огромного лагеря, созданного германским правительством для уничтожения плененных советских людей. После освобождения советскими войсками польской Силезии частями Красной Армии был обнаружен этот лагерь.

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии Прокуратурой 1-го Украинского фронта совместно с представителями Чрезвычайной Государственной Комиссии товарищами Кудрявцевым Д. И. и Кузьминым С.Т. в течение февраля-марта 1945 года было произведено тщательное расследование злодеяний немцев в Освенцимском лагере.

В расследовании принимали участие специальные экспертные комиссии: судебно-медицинская, в составе главного судебно-медицинского эксперта 1-го Украинского фронта Брыжина Ф.Ф., судебно-медицинского эксперта армии Чурсанова М.Г., эксперта-терапевта Перцова Л.И., начальника патологоанатомической лаборатории армии Лебедева К.А., гинеколога армии Полетаева Г.А., эксперта-психиатра Банковского Н.Р., эксперта-криминалиста Герасимова Н.И., бывших заключенных лагеря: профессора-педиатра, директора клиники Пражского университета Эпштейн Б.В., профессора патологической анатомии и экспериментальной медицины из гор. Клермон-Ферран (Франция) Лимузен Г.Г., доцента медицинского факультета в Загребе (Югославия) Гроссмана М.Я., и техническая, в составе профессоров из Кракова - Давидовского Романа и Долинского Ярослава, кандидата химических наук инженера Лаврушина В.Ф. и инженера Шуера А.М.

На основании опроса и медицинского освидетельствования 2819 спасенных Красной Армией узников Освенцимского лагеря и изучения обнаруженных в нем немецких документов, остатков взорванных немцами при отступлении крематориев и газовых камер, найденных на территории лагеря трупов, вещей и документов истребленных немцами людей различных стран Европы, сохранившихся в складах и бараках лагеря, установлено:

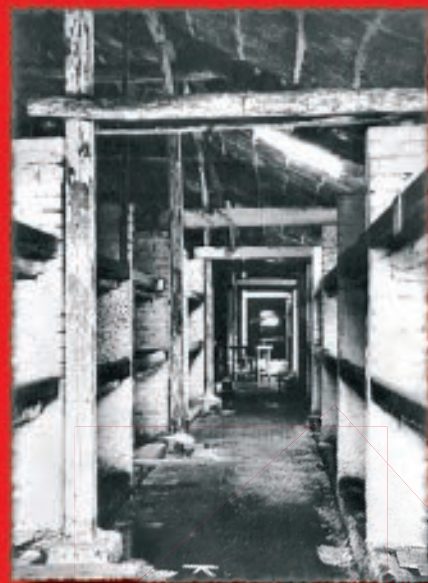
1. Путем расстрелов, голода, отравлений и чудовищных истязаний немцы истребили в Освенцимском лагере свыше четырех миллионов граждан Советского Союза, Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии и других стран.

2. Немецкие профессора и врачи произвели в лагере так называемые "медицинские" эксперименты над живыми людьми – мужчинами, женщинами и детьми.

3. По степени продуманности, технической организованности, по массовости и жестокости истребления людей Освенцимский лагерь оставляет за собой далеко позади все известные до сих пор немецкие "лагеря смерти".

В Освенцимском лагере были и газовые камеры, и крематории, и химические отделения, и лаборатории – все это было предназначено для чудовищного уничтожения людей. Газовые камеры немцы называли "баними особого назначения". На входной двери этой "бани" было написано "Для дезинфекции", а на выходной "Вход в баню". Таким образом, люди, предназначенные для уничтожения, ничего не подозревая, заходили в помещение "Для дезинфекции", раздевались и оттуда загонялись в "баню особого назначения" – то есть в газовую камеру, где они истреблялись ядовитым веществом "циклоном".

В лагере были организованы специальные больницы, хирургические блоки, гистологические лаборатории и другие учреждения, но существовали они не для лечения, а для истребления людей. Немецкие профессора и врачи производили в них массовые эксперименты над совершенно здоровыми мужчинами, женщинами и детьми. Они производили опыты по стерилизации женщин, кастрации мужчин, над детьми, по искусственному заражению массы людей раком, тифом, малярией и вели над ними наблюдение: производили на живых людях испытания действия отравляющих веществ.

Люся Калика:

Когда началась война, Люсе Калика было 17 лет. Она жила в Одессе – с мамой и 20-летней сестрой Ривкой, которая в августе 41-го собиралась выйти замуж за Додика Ленского. Свадьба не состоялась – жених ушел на фронт в первые дни войны.

Квартира, в которой жила Люся и ее семья, находилась в Авчинниковском переулке, дом 7, квартира 15. Раньше этот переулочек назывался вполне обоснованно Грязным, а звучное имя получил в честь городского головы Одессы Авчинникова. Сегодня вы найдете этот переулочек на карте города под именем Нечипуренко – в 1945 году его назвали в честь прославившегося в дни обороны Одессы командира разведки артиллерийского дивизиона Александра Нечипуренко...

Авчинниковский переулочек вошел в историю Государства Израиль – в доме номер 12 Меир Дизенгоф, будущий первый мэр Тель-Авива, в 1904 году открыл товарищество "Геула", которое занималось выкупом из частных рук земельных участков в Палестине с целью последующей передачи их будущему еврейскому государству.

Квартира, в которой жила семья Люси, имела второй выход – на Александровский проспект, там дом числился под номером 14. Это первая особенность квартиры, которая спасла жизнь ее жильцам. О ней знали все, но не о второй: там был подвал, о существовании которого знала только их семья. Долгие годы он был закрыт, никто им не пользовался. Мокрые грязные каменные стены, влажный земляной пол, затхлый воздух, паутина – не самое лучшее место для людей. Только не в том случае, если это вопрос жизни или смерти...

По ряду причин семья Люси не смогла эвакуироваться, и, когда 16 октября 1941 года, когда фашисты вошли в Одессу, Люся Калика, стоя у дверей, видела, как по Троицкой улице шли танки, пушки, солдаты.

На следующий день немецко-румынские войска начали проводить акции уничтожения евреев. По улицам гнали ничего не понимающих людей в тюрьму. Каждая еврейская семья понимала, что вот-вот придет и их черед.

23 октября 1941 года Люсю, Ривку и их мать Евгению выгнали из квартиры, загнали в рыбный корпус Привоза. Здесь с евреев срывали ценности, рюкзаки, снимали обувь. Простояли люди пять часов, потом их под дулами автоматов гнали по Пушкинской улице, на тротуарах по обе стороны валялись синие трупы. Больные старики и старушки изо всех сил старались не упасть, чтобы их не расстреляли.

Их колонну остановили возле одного дома, куда попытались прикладами загнать всех. Когда места всем не хватило, часть людей загнали

4 августа 1991 г.
Вход в убежище с Александровского проспекта.
Позади меня – Александровский садик,
где 23 октября 1941 г. бешали и расстреливали евреев.

Авчинниковский переулочек вошел в историю Государства Израиль – в доме номер 12 Меир Дизенгоф, будущий первый мэр Тель-Авива, в 1904 году открыл товарищество "Геула", которое занималось выкупом из частных рук земельных участков в Палестине с целью последующей передачи их будущему еврейскому государству.

"820 дней в подzemелье"

в соседний двор – двор синагоги. Там они стояли под дождем и ждали расстрела, так как прошел слух, что на следующий день всех расстреляют.

Вечером 24 октября их снова погнали – на этот раз в тюрьму. Там к тому времени скопилось 70-75 тысяч евреев, их убивали каждый день, тысячами.

По какой-то причине 3 ноября немцы отпустили из тюрьмы тех евреев, кого не успели убить. Им всем приказали нашить на одежду желтую шестиконечную звезду. Убийства на улицах продолжались.

10 января 1942 года по городу был развешен приказ немецко-румынского командования: всем евреям до 12 января, собрав ценные вещи, выйти из города и отправиться в гетто, на Слободку. За невыполнение приказа – расстрел.

Это был холодный, морозный день. По заснеженным улицам, между высокими сугробами евреи шли в гетто. На саночках везли детей, больных, стариков – все спешили выполнить приказ, боясь расстрела. Все, но не Ривка, сестра Люси. Она настояла на том, чтобы не идти в гетто, так как верила, что через пару недель партизаны и советские войска освободят Одессу. Нужно было где-то спрятаться и переждать эти две недели. Тогда-то и вспомнили про подвал.

По соседству, в смежной квартире жили Ольга и Елена Канторович. По паспортам они числились караимами, но на самом деле просто выправили себе такие документы, чтобы спастись. Соседки согласились помочь: когда семья Калика спустилась в подвал, они замаскировали крышку люка и поставили на нее рваный диван.

Вместо двух недель им пришлось скрываться в этом подземном убежище 820 дней, 2 года и 3 месяца. Все это время они жили в страхе, без света, без движения, почти в полном безмолвии, страшась, что кто-то во дворе услышит их разговоры. Воздуха не хватало, затхлость сырость, на влажной земле, все, что было на полу, сгнило, в том числе и дневник, который вела Люся.

Сначала их было трое. Потом пятеро. Затем восемь. Сестры Канторович ночами передавали продукты питания и воду, забирали парашу и снова тщательно маскировали люк. Они ежеминутно рисковали своей жизнью. По доносам их арестовывали, пытали, но потом они, избитые и измученные, возвращались домой, где их ждали "узники подземелья", они возвращались и продолжали заботиться о "подпольщиках", вместе с ними возвращалась надежда.

В день освобождения Одессы, 10 апреля 1944 года сестры в последний раз открыли крышку люка и сказали: "Выходите, советские войска в городе!" Они вышли и тут же стали объектом внимания со стороны корреспондентов, в том числе и иностранных. Через какое-то время в нью-йоркской газете появилась статья "Живые трупы в Одессе" с фотографией подвала.

Они заново учились дышать, ходить, говорить.

В 1945 году Люся поступила в Одесский медицинский институт. В 1950 году она получила диплом врача-педиатра. Работала в Закарпатье, 34 года была врачом областной де-

Мать в 1954 г.

Ольга Канторович

Елена Канторович

Вход в убежище из Авчинниковского переулка, 7. 4 августа 1991 г. Впервые через 47 лет после освобождения мы с фотокорреспондентом посетили убежище. Со мной муж – Иосиф Штрах.

В Одессе закрытое гетто (носившее функцию транзитного) было создано 10 января 1942 г. Уже через два дня его узников начали вывозить в концлагерь Березовка. В течение полутора месяцев туда в товарных вагонах, по 120-150 в каждом, было вывезено около 20

тской больницы города Мукачево. В 1951 году она вышла замуж за стоматолога Иосифа Штраха, инвалида войны. Сестра Ривка вышла замуж за Аркадия Розенבלата, инвалида войны. Ривка и сегодня живет в Одессе с семьей дочери.

Мама Люси дожила до 89 лет, она похоронена на мукачевском еврейском кладбище. Тетя Меня и тетя Циля, еще две "узницы подземелья", прожили два года после выхода из убежища, обе умерли в Одессе.

В 1981 году ушла из жизни Елена Кантарович, а спустя три года – ее сестра Ольга. Не стало двух женщин, которые спасли восемь человеческих жизней.

В 1992 году Люся, ее муж, дочь Эмилия (врач), сын Валерий (инженер) и внук Евгений репатриировались в Израиль. Евгений (Рони) отслужил в Армии Обороны Израиля.

В 2007 году вышла книга Люси Калика "820 дней в подземелье" – на русском и английском языках, отрывки из которой мы публикуем в этом номере журнала "Судьбы Холокоста".

На улицах Одессы появлялось все больше и больше евреев, которых колоннами гнали в тюрьму. Мы начали понимать, что скоро придет и наш черед... В садах Александровского парка были построены виселицы. Ночью 23 октября из Авчинниковского переулка выгнали евреев и неевреев-коммунистов – и повесили. Мы уцелели, потому что ночевали у Ленских... Сосед, один из тех, кто жил в нашем доме, просил, чтобы его не вешали на глазах у жены и детей. В это ему не отказали – расстреляли всех вместе... Возвращаясь к Ленским, я видела грузовую машину, задний борт которой был опущен, из-под брезента виднелись ноги трупов...

Мы с Ривкой увидели, что маму, семью Ленских и всех других евреев, живших в том доме, выгнали из квартир. Мы стали в колонну, где была мама. Нас пригнали на Привоз и загнали в рыбный корпус, где уже было много людей. Нас отнесли в ту часть здания, где были люки для слива воды. То и дело раздавались крики – люди падали туда. Солдаты заставляли всех снимать сапоги, стаскивали рюкзаки, тех, кто сопротивлялся – избивали.

Затем колонну погнали по Пушкинской улице. На перекрестках, на каждом углу лежали трупы... Колонну подгоняют автоматами, отставать нельзя, упасть нельзя – расстреляют. Мы плетемся, спотыкаемся, поддерживаем друг друга....

Остановили нас у синагоги... Людей полный двор. Дождь усиливался. В углу двора сидела девушка, которая вдруг начала хохотать – она сошла с ума. Мы стояли, прижавшись друг к другу, потом сели на землю возле стены.

Только к вечеру следующего дня нас снова построили в колонну и по Черноморской дороге повели в тюрьму. Повсюду вдоль дороги валялись выпотрошенные рюкзаки, котомки, одежда.

Уже стемнело, когда мы пришли в тюрьму. Во дворах, на широких тюремных площадях – толпы людей, пройти невозможно. Снова хлынул проливной дождь. Это природа рыдала над нами, над нашим несчастьем...

Люди начали стучаться в мастерские, кричать, чтобы открыли и впустили. Наконец около нас открылась дверь. Оттуда крикнули, чтобы никто не зажигал спички, немцы предупредили, что за каждую зажженную спичку будет расстрелян человек. В полной темноте огромная толпа народу хлынула в дверь мастерской, топч тех, кто лежал на полу. На упавших падали сверху, садились куда попало – на головы, ноги. Стоял крик, плач, стоны. Я с Ривкой и мамой попала под какой-то столик, на котором лежали полуторагодовалые близнецы, всю ночь на нас лилась моча.

В 6 утра немцы увели всех мужчин, якобы на работу. Никто из них не вернулся. Говорили, что их расстреляли под Одессой. В тюрьме стало известно, что целую колонну евреев 23-го сожгли под Одессой в каких-то бараках.

У нас нет еды, ни питья. Во дворе куча отбросов солдатской кухни. Какая-то пожилая женщина лежала на этой куче и что-то искала, жевала, бормотала. У нее был полон рот золотых зубов, между которым была видна грязь, остатки того, что она съела. Она явно была безумна.

В тюрьму приходили одесситы-неевреи, они приносили продукты и горячую вареную еду для своих соседей, друзей. Эти люди очень рисковали, то были настоящие одесситы, настоящие друзья.

3 ноября из тюрьмы выпустили всех евреев... Чтобы было понятно, как мы спаслись от смерти, я должна рассказать о подвале. Он был в длину 7 метров и в ширину 2,5 метра. Подвал тянулся частично под нашей комнатой, под кухней и часть его проходила под кухней соседей. Потолок поддерживали несколько

4 августа 1991 г. Комната-убежище.
Там, где видна постель, стоял рваный диван.
Под ним в углу был спуск в подвал — люк.

полусгнивших деревянных столбов...

Ривка побежала к Ленским, сказать, чтобы Соня с сыном сошли к нам в подвал. Соня отказалась, сказала: что будет со всеми евреями, будет и с ней. Она с мальчиком погибла в гетто.

Когда Ривка вернулась, мы открыли крышку люка, сме-ли паутину, подмели мусор, уб-рали камни. Воздух в подвале был спертый, сырой, дышать было трудно. Кромешная те-мень, нигде не пробивается ни один лучик света. Мы сбросили в подвал грубошерстный ковер длиной 5-6 метров, расстелили его. Спустили вниз подушки, пе-рину, одеяла, большую бутылъ воды, сухари, сахар, еще ка-кую-то еду, свечи, керосиновую лампу, одежду.

Ольга и Елена спустили на руках вниз родную сестру их ма-тери — 85-летнюю тетю Меню. Для нее втащили в подвал уз-кую железную кровать. Потом они привели к нам еще сестру их отца — 56-летнюю тетю Цилю. Нас уже пять человек.

"Караимы" засыпали крышку люка стружками и поставили на нее изломанный диван. Мы оста-лись в жуткой темноте. Боялись

зажечь спичку, вымолвить слово. Только спустя какое-то время мы осмелились говорить шепотом, зажгли лампадку. Как долго тянулись первые часы! Первый день был бесконечным. Два дня — вечность!

На второй-третий день к нам спустили Маню, 40-летнюю женщину с двумя детьми — трехлетним Изей и 12-летней Людой. Нас уже восемь человек.

Маня — наша дальняя родственница. Ее сестра Русина — жена мамино-го племянника, погибшего на фронте. Русина с 4-летней дочерью Светочкой при-ехала в Одессу к сестре Мане. Когда они с толпой шли в гетто, их спасла сель-ская женщина Соня, украинка с добрым сердцем, взяла к себе. Потом они все вместе приехали в Одессу. Соня помогала сестрам Канторович спасать нас. Она продавала на рынке вещи, закупала продукты, готовила для Мани "пере-дачи".

Ночь "передачи". Три часа. Над головами у нас раздаются шаги. Мы в страхе прислушиваемся, сердце замирает. Слышим — начали тащить диван. Потом — шепот: "Берите воду, давайте ведро с помоями".

Прошел месяц. Мы в панике, наше освобождение отодвигается на неопре-деленное время. В первые дни облавы были частыми. Иногда "караимы" успе-вали предупредить нас условным стуком. Немцы искали евреев. Они входили в нашу кухню, пол прогибался под их сапогами, ведь под досками была пустота, под досками был подвал. Я и сестра поддерживали доски, превращаясь как бы в дополнительные опоры.

При облавах труднее всего было успокоить двух наших "союзников" — Меню и Изю. Тетя Меня постоянно возмущалась, почему мы всегда сообщаем ей о чем-то плохом, почему молчим о хорошем, например, о том, что пришел с вой-ны ее сын Велвеле. Она начинает внезапно кричать и пищать на идиш. В этот момент ее нужно было нежно обнять и сказать, мол, идет облава, наверху не-мцы, надо сидеть тихо. Тогда она закатывает глаза и начинает просить Бога, чтобы Велвеле вернулся с войны. И тихо плачет.

В Березовке составляли пар-тии, которые пешком отпра-влялись в Сиротское, Доманевку и Богдановку. Много людей, не добравшись туда, умирало от голода и холода. Охрана, состо-явшая из румынских солдат и немецких колонистов, устраива-ла во время пути массовые рас-стрелы евреев.

В Доманевке и других населенных пунктах евреи были размещены в полуразрушенных домах, часто без крыш. Больных и обессиленных согнали в две полуразрушенные конюшни на окраине Доманевки, из которых их не выпускали, практически оставив без пищи. Все заключенные погибли.

Изя хватает мать за шею, весь дрожит и обязательно хочет поговорить. Его обнимают, ласкают, закрывают рот ладошкой, а когда это не помогает, мать накрывает его подушкой. Изя пугается и перестает задавать вопросы.

День за днем, месяц за месяцем, конца нашему "заключению" не было видно. Мы не видели выхода...

За восемь месяцев сгнил ковер. Дышать в подвале из-за запаха гнили было почти невозможно. Особенно тяжело было Мане с Изей. Мальчик все больше становился неуправляемым. Он часть плакал, капризничал, его постоянно нужно было чем-то отвлекать. У Мани сдавали нервы, когда он в ожидании облавы начинал плакать. Однажды она хотела его удушить: положила на него подушки и хотела сесть сверху. Мы ее оттолкнули и забрали ребенка. Она расплакалась. После этого случая Маня передала сестре Русине, что если ее не заберут отсюда, она убьет ребенка. Русина украла паспорт у женщины с двумя детьми подходящего возраста, у своей соседки, подклеила фотографию Мани, и та с детьми наконец смогла выбраться из подвала — на восьмой месяц нашего добровольного заточения.

Мы к этому времени тоже все чаще думали о том, чтобы выйти, но "караимы" нас отговаривали, они считали, что если нас арестуют и начнут пытать, мы их выдадим.

Вещи кончились, продавать стало нечего, кормить нас тоже. Мы получали один раз в день мамалыгу. Иногда ее делали жидкой — это был суп. И так долгие месяцы, день за днем...

У Мени и Цили еще были вещи на продажу, поэтому они получали другое питание. Тетя Цили не могла есть, когда мы голодали.

Она отливала нам своего супа, и тогда наш приобретал какой-то съедобный вкус. Потом Цили сказала Ольге и Елене, что будет есть то же, что и мы, несколько раз она отправляла свою еду обратно. И героически жевала мамалыгу еще долгие месяцы.

За пару месяцев до освобождения "караимы" стали работать в хлебном киоске напротив тюрьмы. Они собирали хлебные крошки и приносили их нам. Крошечные корочки были невероятно вкусными. К кипятку нам стали давать по две маленькие конфетки-монпасье. Это была такая радость!

Однажды, видимо, по доносу соседей, Ольгу и Елену арестовали. Дома оставалась только их старенькая мама Мирьям. К вечеру сестер выпустили. Они доказали, что не евреи, а караимы. Через некоторое время арестовали Ольгу. Она просидела в сигуранце три дня. Вернулась избитая, с перевязанной головой.

В январе 1943 года сестры стали подсовывать под крышку люка газеты. Это была радость. А летом того же года Елена однажды отодвинула диван и предложила нам подняться в нашу пустую, с заколоченными окнами комнату. Мы смотрели в щелочку между оконных ставней и были тем счастливы. Мы становились на подоконник и смотрели во двор. Нам была видна парадная дверь дома напротив, а еще — очень важно! — мы могли видеть, кто подходит к нашим

4 августа 1991 г. Под этой крышкой люк — слух в подвал, в котором мы прятались 820 дней и ночей. Слух в подвал был в то время в комнате под диваном. Крышка засыпалась стружкой от дивана. Теперь хозяйину удобнее, чтобы слух был на кухне.

дверям. "Прогулки" продолжались. Если мы выходили в комнату, одна из нас постоянно следила за подходом к дверям нашей квартиры.

За месяц до освобождения мы едва не погибли. Ольги и Елены не было дома. Мы поднялись в комнату и вдруг увидели в щелочку немецких солдат. Ривка позвала Мирьям, мы спрыгнули в подвал, а крышку люка закрыли не до конца. Мирьям еле-еле смогла задвинуть диван. Немцы уже стучат в дверь, кричат, а она от волнения ничего не может сделать. Едва она успела выйти из нашей кухни, как немцы ворвались в дом. Орут, вбежали в нашу комнату, посрывали ставни, стало светло – нас вот-вот обнаружат. Старушка Мирьям начала упрашивать "гостей" зайти к ней, потому что тут, дескать, пусто. У нее в комнате начался обыск, двигали диван – слава Богу, не наш...

4 августа 1991 г.

Во дворе по Авчинниковскому переулку, №7.
Я показываю внучке К.Д. Яшиной подтверждение,
подписанное ее бабушкой в 1944 г., — о том, что мы
скрывались в подвале этого дома 2 года и 3 месяца.

Когда немцы ушли, мы долго сидели, обомлевшие, глядя на стоявшую ребром крышку люка.

Сводки с фронтов – мы не верили сводкам, но когда в газетах сообщили, что немцы под Сталинградом, это была настоящая трагедия. Мы теряли надежду на освобождение. А газеты долго дезинформировали читателей о состоянии армии Паулюса под Сталинградом. Наконец, она была окружена, а сам Паулюс взят в плен! Это было начало их конца. Сводки становились все короче и короче. Например: "С целью сокращения линии фронта немецкие войска оставили город такой-то". Нам было безразлично, с какой целью оставляют города – к нам возвращалась надежда. Мы не могли дожидаться газет. Мы понимали, что в это время нам нельзя расслабляться, нужно быть особенно

осторожными. Будут ли бои за освобождение Одессы? Переживем ли мы эти последние дни? Нам было и радостно, и страшно.

Утром 10 апреля 1944 года Ольга и Елена оттащили диван, открыли крышку люка и сказали: "Русские войска в городе – выходите!" Наше состояние не описать. Метушимся по подвалу, растерянные. Выскочили наверх в пустую комнату – спрыгнули назад в подвал. Меня вообще сидит на своей кровати и не двигается...

Как выйти из убежища оборванными? Не знаю, откуда у меня взялось мужское пальто черного цвета. Я набросила его на голову (оно укрыло меня всю) и пошла к своей русской подруге Тусе. Она и ее родные смотрели на меня, как на пришельца с того света...

В нашей квартире мы уже не могли жить – она теперь принадлежала "караймам", да и слишком тяжелые воспоминания были с ней связаны. Мы остались без жилья – страшные, изможденные, бледные. У мамы отекали ноги. Я не могла отвечать на вопросы людей, которые интересовались, где я была и как спаслась. Я молчала, у меня текли слезы, перехватывало горло. Это был надлом какой-то, мне стоило большого труда его преодолеть. Года два я ни с кем не могла говорить на эту тему. Потом я уже рассказывала, но всегда плакала при этом...

■■■

Около 600 обитателей гетто дожили до освобождения. Несколько сотен евреев пережили оккупацию в самой Одессе; они жили по фальшивым документам, скрывались в одесских катакомбах, некоторых укрывали русские и украинцы.

Треблинка, Треблинка,
Чужая земля.
Тропинкой неблизкой
Устало пыля,
Всхожу я, бледнея,
На тот поворот,
Где дымом развеван
Мой бедный народ...

Недолго иль длинно
На свете мне жить,
Треблинка, Треблинка,
Я твой пассажир.
Вожусь с пустяками,
Но все до поры:
Я камень, я камень
На склоне горы.

«Женские тела сгорают быстрее мужских...»

Крематорий был окружен колючей проволокой в высоту человеческого роста. Проволока была завешана одеялами, немцы не хотели, чтобы снаружи было видно происходящее.

Как только в лагерь привозили детей, их сразу же отправляли в печи. Только однажды группа детей прожила в лагере целых два дня. К всеобщему удивлению, их даже переодели во все новое и хорошо кормили. Потом в лагере появилась делегация – какие-то важные иностранцы. Когда делегация уехала, детей отправили в крематорий.

Было у немцев такое любимое развлечение: они подбрасывали вверх ребенка и стреляли в него, соревнуясь, кому удастся раздробить ребенку голову на лету. Однажды играли в такую игру: уложили троих ребятшек в ряд, один к одному, и стреляли в висок крайнему, стараясь одной пулей пробить все три головы.

Однажды вечером в лагерь прибыла большая колонна женщин и детей. Их, как обычно, сразу ввели в большой зал при "сауне" и приступили к селекции. Руководил процессом Менгеле, главный врач Освенцима. Холодный, прямой, надменный, он стоял в стороне, сунув одну руку за борт своего военного мундира, а другой он указывал – кому жить, кому умереть сразу. Легкое движение пальца вправо означало жизнь, влево – смерть.

Когда очередные партии задерживались, в Освенциме вылавливали и уничтожали тех, кто уже не мог работать. Крематорий в таких случаях не использовался. Зачем гонять такое дорогое оборудование ради маленькой группы полумертвецов?

Убивали простым, но оригинальным способом. Доходяг выстраивали и велели по одному спускаться в подвал. За дверью прятался немец со специальным ружьем для забоя скота, которое стреляло длинными острыми иглами. Он простреливал голову каждому входящему, тот падал вниз, катясь по ступенькам, а следующие, ничего не слыша, продолжали спускаться вниз навстречу гибели, соблюдая строгий порядок.

Выносить трупы из подвала немцы не спешили.

ли. Тела лежали там и день, и два, и три, пока вонь не становилась нестерпимой. Или пока не прибывала следующая партия заключенных. Тогда полуразложившиеся трупы сжигали.

Поток венгерских евреев нарушил нормальный ход рабочего процесса ликвидации. Это отразилось и на "селекции", она стала проводиться гораздо менее тщательно. В результате в группу отобранных для "сауны" стали попадать беременные женщины. Пришлось направить туда женщину в чине офицера СС, поручив ей обнаружение и ликвидацию именно этой категории узниц. Обнаружив первые признаки беременности, она за-

вязывала с женщиной дружескую беседу и как бы между прочим сообщала о существовании особого отделения для беременных женщин и детей. Можно ли туда попасть? Конечно!

– Можешь не одеваться, – говорила эсэсовка. – Тут два шага идти, рядом отделение.

До рва действительно было недалеко, а шли они по аллее, густо засаженной деревьями. Подойдя ко рву, где всегда горел огонь, эсэсовка точным ударом сапога сбрасывала женщину в ров.

Опыт Биркенау показал, что женские тела горят легче и быстрее мужских – в удивительно короткое время остается лишь горсть праха.

Все в лагере знали, что ждет женщин в блоке № 4 – с того момента, как их приносят туда еще живыми, и до того момента, как команда могильщиков выносит оттуда мертвых. Зубной врач-еврей, сопровождаемый офицером СС, производит во рту последний обыск. Тут же они договариваются, сколько золотых коронок сдадут начальнику лагеря.

Затем появляются четверо заключенных уголовников – они должны вынести накопившиеся за сутки трупы. Прежде всего могильщики (женщины называют их "хеврат кадиша") раздевают мертвых и собирают всю одежду в кучу. Двое тщательно обыскивают все тряпки в надежде, что

им удастся найти золото в подкладке или каблуке. Двое других приволакивают повозки. На первую грузят одежду, на вторую – трупы. Могильщики поднимают каждый труп за руки-ноги и тащат к повозке. Третий в момент погрузки хватает труп за волосы (когда-то у этих женщин были длинные красивые волосы, которые отстригли в лагере), и с криком "Эй-оп!" тело вскидывают вверх и бросают в повозку.

Иногда туда попадают и живые. Они умирают или здесь, или уже в могиле. Могильщики выполняют функцию врачей: они сами решают, кого счесть мертвым, а кого живым, не испытывая при постановке диагноза никаких затруднений. Еврейка лежит без движения – мертва...

Подпольные группы возникли в Освенциме в первые дни существования лагеря. Но немцы зорко следили за каждым узником, и заключенных, пробывших в лагере какое-то время, непременно уничтожали. Поэтому подпольным группам долго не удавалось добиться чего-то реального.

Подполье существовало во всех крупных лагерях. Еврейские группы действовали в Майданеке, Треблинке, Дахау и его филиалах, расположенных в окрестностях Мюнхена и Ландсберга. В 1943 году в Треблинке вспыхнуло восстание, в котором участвовали почти все заключенные. О нем рассказали те немногие, кто остался в живых, крестьяне из окрестных деревень и несколько евреев, которых прятал один крестьянин. Потом они ушли в леса, но иногда возвращались, чтобы переночевать в погребке своего спасителя. Преследуемые и голодные, они скитались по окрестностям и слышали такие разговоры: "В Треблинку пригнали новую партию евреев. Скоро опять в воздухе будет стоять запах горелого мяса".

Однажды из лагеря донесся какой-то шум, началась стрельба. Прятавший евреев крестьянин сказал:

- Это ваши дерутся с немцами.

Восстание подавили...

В 1943 году группа евреев Освенцима решила вырыть подземный ход. Когда работа уже подходила к концу, немцы подкоп обнаружили. Трех евреев, уличенных в подготовке побега, пригово-

рили к повешению. Перед смертью их допрашивали по всем правилам. Но обреченные держались стойко: они так и не назвали имена остальных участников...

Солдаты союзных войск, занявшие лагерь, не ужаснулись. Они уже видели такое. Они даже стали привыкать к живым скелетам, еле волокущим ноги, к умирающим, к кучам человеческих костей, которые не успели сжечь, к лагерному слову "мозельман", что означает "доходяга".

Ворота некоторых лагерей намеренно оставляли открытыми. Местных жителей приглашали зайти и посмотреть, что творили их соотечественники. Союзники наивно верили, что преступления совершали лишь члены нацистской партии, а население ничего об этом не знало...

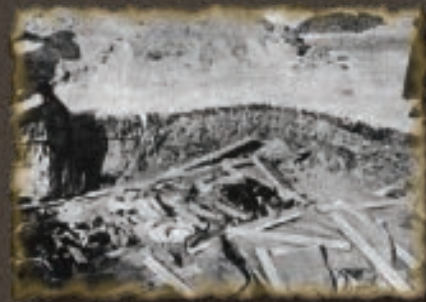
Лагерь размещался в густонаселенном районе. Из деревни, расположенной на вершине холма, можно было видеть все, что происходило внутри. Но кое-что можно было видеть и вблизи. Дорога, по которой гнали узниц на работу, проходила рядом с деревней. Да и работали заключенные вместе с местными жителями.

Но если и этого мало, у рядовых немцев всегда была возможность узнать больше. Лагерные служащие, то есть надсмотрщики, все свое свободное время проводили в городке или деревнях. Они охотно рассказывали "об этих крестинах-заключенных".

Особенно тесные связи между охранниками и населением возникли после того, как эсэсовцев отправили на фронт. Их место заняли пожилые солдаты, негодные к службе в боевых частях. Эти старики искали себе подруг-немок в окрестных деревнях, в тамошних пивных проводили время.

Так что местное население знало все – они видели, как работают узницы, как их бьют, как, возвращаясь в лагерь, они несут на себе тела мертвых. Местные видели, конечно, и заваленную трупами повозку, завершающую свой путь у могильной ямы, трубы, из которых днем и ночью валит дым, ощущали запах горелого мяса. И молчали...

Дов Шилианский

Плечом прижимаюсь
К сожженным плечам,
Чтоб в марте и в мае
Не спать палачам,
Чтоб помнили каты –
Не выигран бой:
Я камень, я камень
Над их головой...

Роза и Владимир Гробман

Они выросли в гетто

Роза и Владимир Гробман вместе уже 54 года. С 1973 года они живут в Израиле, здесь выросли их дети и внуки, подрастает и следующее поколение – правнуки. А детство Розы и Владимира прошло в гетто. Они не любят о нем вспоминать. Но как им иначе объяснить внукам и правнукам то, что произошло во время войны и какое отношение Холокост имеет к жизни их семьи, их рода? По прошествии стольких лет они оба хранят в памяти события тех страшных дней, бессонным ночами мучаются вопросом: как им удалось выжить, хотя столько близких людей погибло? Их детство кончилось 22 июня 1941 года, в день, когда началась война.

Рассказ Розы

Я родилась в 1931 году в местечке Томашполь Винницкой области. Наша семья была среднего достатка. В нашей семье соблюдали традиции, отмечали все еврейские праздники. Взрослые говорили дома на идиш и нас, детей, тоже ему учили. Родители часто рассказывали нам о бабушке с дедушкой, проживавших не очень далеко от нас. Мы очень ждали, когда же мы поедем к ним в гости.

Настал долгожданный день. Мы приехали в село, где жили бабушка и дедушка, не предполагая, что нам уже не суждено вернуться. Началась война, и вскоре в село вошли немцы. Нас всех выгнали на улицу, звучали приказы, какие-то команды, нас перегоняли с места на место, как скот. Мужчин отделили от женщин. Потом нас всех загнали в товарняки. Выстрелы и голоса, выкрикивавшие команды, смешивались с криками жертв...

Никогда не забуду, как на глазах у де-

тей убили маминного брата и его жену. Сиротами остались трое мальчишек. Самому маленькому было полгода, все думали, что он тоже погиб, а он был завален подушками, лежал и сосал палец. Когда стали хоронить убитых, его раскопали. Судьба этих детей сложилась удачно – родственники взяли их в свои семьи и воспитали хорошими людьми, все трое сейчас уже взрослые люди, живут в Израиле.

Мы пошли пешком в наше местечко – через открытое поле, через какой-то пустырь... То, что мы там увидели, забыть невозможно: на пустыре закопали живьем 120 человек, земля еще долгое время «дышала».

До Томашполя мы не дошли, остались жить у бабушки. Помню, как однажды, когда я играла во дворе, я увидела, как фашисты посадили одного мужчину на асфальт и выстрелили в него. Это произошло на моих глазах и так меня напугало, что я целый год после этого не говорила, не произнесла ни слова. А потом я заболела тифом, из-за чего не могла ходить.

Годы жизни в гетто были временем постоянного страха. Нацисты периодически устраивали акции уничтожения, хватали всех подряд и убивали. Но и между акциями тоже каждый день убивали людей. Наша семья держалась вместе, мы поддерживали друг друга, помогали. Голод, теснота, рабский труд, ежедневные казни – все это превращало нашу жизнь в существование, мы ничего не могли изменить, все силы уходили на то, чтобы выжить и помочь выжить близким. Это ужасное состояние, когда ты оказываешься совершенно беззащитным.

Мой отец был очень предприимчивым, он постоянно находил какие-то способы облегчить нашу жизнь в гетто, способы, которые помогали ему защитить свою семью. Беда была в том, что он мало что мог изменить, и состояние бессилия угнетало его. Особенно тяжело ему было видеть, как страдает мама. Может быть, поэтому прожили они не долго, оба рано ушли из жизни: папа в 58 лет, мама – в 55.

В 1944 году нас освободили войска советской армии. Я выросла, выучилась, вышла замуж. Я счастлива в браке, мы уже отметили свою золотую свадьбу. У нас родилось двое детей – дочь и сын, которые подарили нам пять внуков. Сейчас пришел черед следующего поколения – мы видим, как растут наши правнуки. Здесь, в Израиле, в стране, у которой великое будущее...

В Винницкой области фашистами было уничтожено 205 тысяч мирного населения, из них 198 тысяч евреев. На территории области находятся больше 500 мест массовых захоронений еврейского населения, которые стали жертвами гитлеровского геноцида.

Рассказ Владимира

Я родился в 1927 году в небольшом бессарабском местечке. Здесь в 1932 году я поступил в первый класс «тарбут». Обучение шло на румынском языке, но мы учили также иврит.

Наш дом находился на границе с Румынией, и до того, как пришла Красная армия, мы считались гражданами Румынии. Русский язык не знал никто. Когда открыли русскую школу, я пошел учиться в первый класс.

Когда началась война, в местечко вошел румынский полк. Помню, был полный хаос, неразбериха: все бегает, кричат, кто-то стреляет, убивают людей, дети зовут родителей!... Нам родители кричали: «Бегите домой!», но дома-то нашего уже не было. Мы пошли в село Бричаны. Ночевали на сеновале. По звукам было понятно, что фронт находился где-то близко.

Нас отправили в гетто. Голод был ужасный. Местное население иногда помогало нам. Помню, как однажды нас выгнали на большую площадь. Лил проливной холодный дождь. Стояли мы долго. На мне был плащ, но какой-то русский парень подошел и заставил снять эту едва помогавшую защиту от ледяной воды. Потом нас загнали в какой-то сарай. Спустя какое-то время нас вывели, построили в колонну и повели в Могилев-Подольск. Когда мы проходили мимо кладбища, началась стрельба. Все заметались, но спрятаться было негде. К нам подошел один румын и сказал, дескать, бегите, если можете – иначе вас расстреляют здесь. Но мы не смогли, не успели убежать. Нас погнали дальше, в село Полище, где загнали в сарай для скота. Это строение было огорожено колючей проволокой, а охраняли нас украинские полицаи. Нам не давали ни пить, ни есть. Просто морили, измывались над нами. Избивали всех подряд, кто под руку попадется – без всякой причины. Мою маму сначала избили, а потом расстреляли. Мой брат дружил с од-

ной девочкой из нашего села – всю ее семью уничтожили.

Вся моя семья погибла. Остались только я и мой маленький братик. Нас спасли, одна семья вырастила нас как собственных детей. Я часто вспоминаю то время, что мы с братом жили в той семье...

В 1944 году нас освободила Красная армия. Мне очень хотелось попасть в наше местечко, оказаться снова в том доме, где прошло мое детство. Когда мы приехали в село... Это было ужасно: от нашего дома остались лишь обгоревшие руины. Нам негде было жить, не было денег на самое необходимое. К счастью, нас с братом взяли на работу в ремонтную мастерскую. Там мы проработали два месяца, после чего меня забрали в армию. Обули, одели, накормили и отправили в запасной полк – на фронт. Демобилизовался я только в 1951 году, у меня есть медали, награды, грамоты. Порой я показываю их своим детям, внукам и правнукам, рассказываю, через что мне пришлось пройти. Они должны знать, что я воевал с фашистами, чтобы они могли жить в мире.

Не знаю, как сложилась бы моя судьба, если бы я не встретил девушку, которая стала любовью моей жизни. Если бы я не встретил Розу и не женился на ней. Мы вместе уже более полувека, понимаем друг друга, жалеем, уважаем. Когда собирается вся наша большая семья, мы уже с трудом помещаемся даже в очень большой комнате.

В Израиле я с 1973 года, прошел все

войны, что были за это время. В армии служили мой сын, внук, внучка и уже один правнук. Дедушка очень гордится ими...

Немцы периодически расстреливали узников гетто: раз в месяц, ставя детей, стариков, женщин лицом к стенке абсолютно нагими, руки сплетенные сзади.

Большие чины появлялись, когда все гетто было выстроено. Если старшему офицеру в этот день захотелось расстрелять каждого пятого, то каждого пятого вырывали из общего строя и расстреливали. Следующий раз старшему по званию хотелось расстрелять каждого седьмого... Зная немецкую технологию расстрела, узники гетто становились вразброс с родными и молили Бога, чтобы счет не попал на близких людей.

«Цыпленок»

Новое имя

Гита Эйдельнант росла в благополучной и уважаемой еврейской семье. Отец был известным в городе портным, мама – бухгалтером. Гита очень любила своих маленьких сестер – Дорочку и Фанечку. Она часто гуляла с ними по родному Могилеву, не задумываясь о своей национальности – антисемитизма в городе практически не ощущалось.

Нацисты вошли в Могилев в первые дни войны, гордо ступая по центральной улице города, распевая бравые марши.

– Они шли целый день, и, казалось, их строю не будет конца, – вспоминает Гита.

После прихода немцев ситуация в городе изменилась в одночасье. От дружелюбного отношения местных жителей к евреям не осталось и следа. Сработала немецкая агитация – листовки с обвинениями евреев во всех смертных грехах. На заборах появились надписи: "Бей жидов!".

Когда 16-летняя Гита пришла в школу учительница Юзефа Шлифиш, полька по происхождению, отвела ее в сторону и сказала: "Тебе надо срочно стать русской, евреев нацисты не пощадят". Юзефа помогла Гите по своим каналам сделать новые документы. Так Гита стала Ноной Федоровной Шпаковой. "Никогда, ни под какими пытками не признавайся, что ты еврейка. Сознаться – тебе не жить", – наказала учительница.

Вскоре всем евреям города приказали покинуть свои дома и переселиться в гетто. Молчаливой вереницей евреи Могилева шли в гетто, неся пожитки, которые им удалось собрать в спешке. В числе их шли Гита, ее мама и сестры. Недавно еще дружелюбные соседи провожали их песенкой: Цыпленок жареный, цыпленок пареный, цыпленок тоже хочет жить..."

В гетто начались болезни. Всех мучил голод. Не желая сидеть сложа руки и умирать тихой смертью, Гита решила на рискованный шаг: под покровом ночи она сделала подкоп под забором гетто. Копала тем, что было под рукой – ножиком, ложкой, миской. Регулярно через маленький тоннель она выбиралась за пределы гетто, тайком пробираясь к погребу своего дома, набирала продукт и возвращалась в гетто. Так Гита стала главным кормильцем семьи. Новый хозяин дома, местный житель, назна-

ченный бургомистром города, даже не подозревал, что происходит у него под носом.

Так продолжалось девять месяцев. На десятый месяц начались массовые расстрелы. Нацисты решили ликвидировать гетто.

Побег

В один из дней того рокового месяца, возвращаясь из очередного похода за продуктами, Гита услышала крики и выстрелы. Оккупанты окружили дом, в котором она жила с мамой и сестрами, и уводили всех жильцов на расстрел. Гита в ужасе бросилась бежать. Выбравшись через подкоп наружу, она бежала вдоль стены гетто, ничего не соображая от ужаса, пока не упала от резкой боли в ногу – какой-то полицай, увидевший подозрительно бегущую девушку, выстрелил в нее.

Дальше была тюрьма. На протяжении десяти дней нацисты морили девушку голодом, задавали один-единственный вопрос: "Ду бист юде? ("Ты еврейка?"). Но девушка помнила, что ее сказала учительница и твердила одно и то же: "Я не еврейка. Меня зовут Нона Федоровна Шпакова". Ничего не добившись от измученной девушки, фашисты выпустили ее из тюрьмы.

Гита сразу же бежала к учительнице Юзефе, но та в страхе не пустила ее на порог, за укрывательство еврейки ей и ее родным грозил расстрел. "Уходи из города, – посоветовала пани Шлифиш, – и помни мой наказ: не признавайся".

Гита-Нона покидала родной город. Она шла, преодолевая боль в ноге, спешила, чтобы поскорее уйти от того ужаса, который ей пришлось пережить в Могилеве. Но ужас преследовал ее повсюду. На всей оккупированной территории производились расстрелы.

В одном из городов, через который она проходила, Гита видела, как полицаи снимали окровавленную одежду с расстрелянных и отдавали местным жителям: "Постирайте и носите, – говорили они, – теперь эта одежда ваша".

Гита шла, смотрела, и ярость разгоралась в ней. Она больше всего на свете хотела отомстить фашистам за гибель людей. Девушка бродила по лесу в надежде найти партизан. Однажды ей навстречу вышла женщина-партизанка, которая, узнав ее историю, пошла посоветоваться с команди-

Могилевское гетто было уничтожено одним из первых на территории Беларуси, в нем были уничтожены, по разным источникам,

ТОЖЕ ХОЧЕТ ЖИТЬ...»

ром. Вернувшись, она сказала? "Евреев мы не берем в партизаны..."

Из ада в ад

С болью в душе Гита отправилась дальше в путь и дошла наконец до города Конопот. Там она отыскала детский дом и попросилась к ним. Началась "старая песня": директриса долго пыталась Гиту по поводу ее национальности. "Признайся, ты же еврейка, – говорила она. – Скажи правду, ничего не будет". Но Гита упрямо твердила: "Я – Нона Шпакова".

В детском доме она прожила недолго. Вскоре немцы отправили всех трудоспособных молодых людей в Германию. Гита работала на заводе "Даймер-Бенц", подметала стружку, а потом, после тяжелой болезни "сердобольные" хозяева перевели ее на кухню.

Жили рабы из Советского Союза в бараках, которые были построены в рабочем лагере, за городом. Рабочий день начинался рано утром и заканчивался поздно вечером. "Рабы" работали вместе с немцами, которые не упускали возможность оскорбить, как-то унижить "людей второго сорта", "низшей расы".

В один из майских дней 1945 года к лагерю подошли советские войска. Была слышна канонада, выстрелы. Когда все затихло, Гита, чтобы лагерь случайно не приняли за

военную базу, закричала: "Да здравствует Красная армия!".

На свободе

После освобождения Гита вернулась в Могилев. Была жива пани Шлифиш, сохранился в целости и сохранности дом. Но в доме было пусто. Молчала швейная машинка отца, которого расстреляли в госпитале, куда он попал, получив ранение при защите города. Не звучал звонкий смех убитых с мамой сестренки. Из родных у Гиты не осталось никого.

Ей жилось нелегко. Казалось, даже дышать тяжело – по пятам за девушкой, которая вернулась из плена, ходил особист, он следил за каждым ее шагом. Преследование прекратилось только после смерти Сталина.

Насмотревшись на человеческие страдания, Гита решила посвятить себя медицине. Окончив медицинское училище, она уехала по распределению в Казахстан. В Алматы она окончила сразу два института – медицинский и иностранных языков (в плену Гита блестяще освоила немецкий). Девушка вышла замуж, стала Гитой Яковлевой. До последнего времени Гита Яковлева работала в кожно-венерологическом диспансере Алматы, считалась одним из лучших специалистов.

Юрий Каштелюк

Гита Яковлева (вторая слева) с подругами

Музей в однокомнатной квартире

В 2008 году ушел из жизни Лев Абрамович Думер, человек, который с 1989 года, перебравшись на место жительства в США, посвятил всего себя сбору и изучению материалов по истории Холокоста в Одессе. Сам коренной одессит, он во время оккупации родного города был на фронте. Вернулся Думер в Одессу только в 1944 году, когда его, инженера связи, направили на восстановление одесского радиопередатчика. В своей однокомнатной квартире в Сан-Франциско Лев Думер вместе со своей женой Лидией и непрофессиональным художником Владимиром Хаитом, тоже в прошлом одесситом, занялся созданием стендов, на которых они размещали все материалы по Холокосту, которые удавалось обнаружить. Так и родился их домашний музей "Холокост в Одессе", открытие которого состоялось 22 сентября 2001 года.

А спустя пять лет, в 2006 году, семья Думер шестьдесят готовых стендов передала в дар Музею истории евреев Одессы "Мигдаль Шорашим".

- В 1989 году мой муж начал собирать материалы о Холокосте в Одессе и Одесской области, – вспоминает Лидия Думер. – Мы приобретали книги, написанные узниками гетто, другую литературу. Шла обширная переписка, нам присылали материалы, фотографии. Лев отвечал на все письма, уточнял данные. Постепенно стал накапливаться бесценный архив...

На стендах музея были отражены материалы об оккупации Одесского региона: "О Богдановке", "О Слободском гетто", "О Доманевке", "Об Ахмечетке", "О Мостовом"... Там размещались воспоминания узников гетто, материалы и фотографии людей, переживших Катастрофу и написавших книги об этом периоде своей жизни.

Был там, например, книга еврейского профессора-историка Бориса Гидалевича, который установил 21 памятный знак на братских могилах евреев, убитых фашистами. Он также составил список девяти тысяч жертв – с адресами, местами работы и местами захоронения.

В конце концов, музей перестал быть только одесским – в нем появились стенды "Киев – Бабий Яр", "Харьковское гетто", "Рижское гетто", а также особенно дорогие нам разделы "Одесский Шиндлер", "Девочка из расстрельной ямы"...

Одесский Шиндлер – это профессор-психиатр Евгений Шевалев, который вместе со своим сыном, биологом Андреем Шевалевым, во время оккупации спасли на территории психбольницы пациентов и сотрудников, которых, как и других евреев, ждала смерть.

Кто только не помогал нам собирать материалы об этих бесстрашных людях – бывшие соученики, врачи, родственники пациентов, жена Андрея Шевалева. Лев получил кассету из Фонда Спилберга с записью рассказа Андрея Шевалева, она была сделана 20 ноября 1998 года, а через две недели профессор умер...

Мы составили и отправили материалы о Шевалевых в музей "Яд Вашем", оба они стали Праведниками мира.

Первый еврейский музей в Европе был создан в 1893 г. в Вене. Затем подобные музеи появились в Варшаве, Будапеште, Копенгагене, Базеле и Вильнюсе. В России первый еврейский музей был открыт в Петрограде в 1916 году и закрыт советскими властями в 1918-м.

...

В последние десятилетия во многих странах Европы возникли новые музеи и мемориалы, отражающие историю Холокоста.

...

В 1944 году был открыт музей Катастрофы в Нью-Йорке. В настоящее время в США насчитывается более 60 еврейских музеев. Есть такие музеи и в Латинской Америке, и в Австралии, даже в ЮАР.

...

В России ныне есть только один еврейский мемориал – музей жертв Катастрофы при синагоге на Поклонной горе в Москве...

Одесский Шиндлер

Лев и Лидия Думер

Экранизация истории Оскара Шиндлера и спасенных им 1300 евреев, благодаря таланту режиссера Стивена Спилберга и актеров, сыгравших главные роли в фильме, стала вехой в истории Холокоста. В печати то тут, то там стали появляться рассказы о людях разных национальностей, которые также спасали евреев во время Второй мировой войны. Их начали называть по имени судетского немца Шиндлера, которое стало нарицательным.

"Китайский Шиндлер"

Сотрудник генерального консульства Китая в Вене Фенг Шан Го (Хо), выдал с 1930 по 1940 год тысячи "виз на жизнь" австрийским евреям. Известно, что деятельность молодого дипломата вызвала ярость немецких властей, и китайский посол в Берлине приказал консулу немедленно прекратить выдачу виз австрийским евреям. Несмотря на опасность – это могло стоить дипломату не только карьеры, но и жизни – доктор Го продолжал тайно выдавать визы, пока в 1939 году нацисты не конфисковали само здание консульства на том основании, что это... "еврейская недвижимость".

Китайское правительство отказалось от оплаты аренды другого здания, но, несмотря на это, Хо Фен Шан открыл консульский прием и выдачу виз в новом здании, оплатив аренду помещения... из собственного кармана. Точной цифры спасенных им евреев до сих пор не существует. Известно лишь (и установлено документально), что только за первые полгода своей "незаконной" деятельности дипломат выдал австрийским евреям две тысячи виз. Этот самоотверженный человек не искал себе ни личной выгоды, ни публичного признания по окончании войны.

"Японский Шиндлер"

Чиуне Сугихара, консул Японии в Каунасе, летом 1940 года тоже выдавал "визы и тем спас от неминуемой гибели 6000 евреев.

Как вспоминает один из спасенных им евреев, Берл Шор, "смелость и гуманизм Сугихары помогли тысячам евреев спастись от верной гибели, в то время как многие его коллеги по дипломатическому корпусу просто разводили руками. Однако не следует забывать, что двое из них оказали ему бесценную поддержку. Поскольку у подавляющего большинства еврейских беженцев не было действующих паспортов, поверенный в делах Великобритании и голландский консул стали выдавать временные туристские документы всем желающим. На основании этих-то фиктивных бумаг Сугихара и мог выправить спасительные транзитные визы – якобы для путешествия в другие страны через Японию. Я был одним из тех, кто пробрался в страну восходящего солнца по "настоящей" визе Сугихары. Возможно, в порту назначения какой-то другой японский чиновник тоже слегка закрыл глаза на инструкции – и тем самым продолжил великую гуманитарную миссию".

Сегодня около 50 тысяч человек – каунасских беженцев и их потомков – обязаны своей жизнью Сугихаре.

Фенг Шан Го ушел из жизни в 1997 году в возрасте 96-х лет и похоронен на одном из кладбищ Сан-Франциско. В 2001 году "Яд ва-Шем" присвоил китайскому дипломату звание Праведника мира.

...

Чиуне Сугихару "выпихнули" из министерства иностранных дел за "неподчинение" в деле с визами. Вплоть до последних дней жизни (Чиуне умер в 1986 году) о его подвиге в Японии почти ничего не знали. За год до смерти он был признан Праведником мира. Документальный фильм "Сугихара: заговор доброты" получил в 1998 году премию "Оскар".

...

Аристидес де Суза Мендес был встречен на родине как предатель, его уволили с дипломатической службы, и он умер в нищете в 1954 году. В том же году он был признан Праведником мира. В память о Мендесе в пустыне Негев его именем назван лес, а в Тель-Авиве — площадь. В Бордо лишь в 1994 году состоялось публичное чествование Мендеса и открытие его памятника.

...

В первые годы войны Фрэнк Фоли служил в Осло, потом вернулся в Англию и получил назначение в контрразведку. Он вернулся в Берлин после войны, чтобы принять участие в охоте за бывшими эссовцами. Скончался он в 1958 году. Спасенные им евреи добились того, чтобы мир узнал о подвиге Фоли. В 1999 году он был признан Праведником мира.

"Португальский Шиндлер"

В 1998 году стала известна история "португальского Шиндлера" — его зовут Аристидес де Суза Мендес. В 1940 году он был генеральным консулом Португалии во французском городе Бордо. Он лично спас от нацистов 30 тысяч человек, 10 тысяч из них были евреями. В числе указанных виз были и визы для семьи раввина Крюгера. Из встречи Мендеса с Крюгером возникла тесная дружба. Что общего между аристократом католиком-монархистом и раввином? Якоб Крюгер рассказывает: "Когда отец встретился с Мендесом, тот сразу предложил ему свой дом. Он приглашает человека, которого раньше не знал, и это в период войны. К тому же еврея".

Сезар Мендес, вспоминает слова, сказанные братом Аристидесом: "Я не могу допустить, чтобы все эти люди погибли. Многие из них евреи, а в нашей Конституции записано, что пребывание иностранцев в Португалии не может быть запрещено из-за их религии или политических убеждений. Я твердо решил следовать этому принципу, и я от него не отступлю".

В 1986 году член "императорской" семьи Отто Габсбург написал в письме внуку Мендеса Антонио: "Я хотел бы еще раз присоединиться и письменно сообщить вам, что я вечно благодарен вашему деду. Он был благородным человеком, отличался своим ни с чем не сравнимым мужеством и цельностью. Он остался верен основным своим принципам, не думая о личных

интересах. Он был настоящим героем, в то время, когда многие вели себя трусливо. Вы можете гордиться своим дедом".

"Британский Шиндлер"

В Берлине после прихода Гитлера к власти в отделе виз английской миссии под личиной скромного канцелярского работника трудился глава берлинского отделения разведки, опытный британский разведчик, майор Фрэнк Фоли. После событий "Хрустальной ночи" и вплоть до начала Второй мировой войны он постоянно выдавал немецким евреям паспорта и визы, по которым они эмигрировали в Англию, ее колонии, а многие — в Палестину. Иногда он шел дальше, посещал концлагеря и вызволял евреев, а иных прятал в своем доме, добывал для них поддельные паспорта.

Несмотря на дипломатический иммунитет, его могли арестовать в любой момент.

За шесть лет Фоли выдал тысячи виз. Его имя и роль в спасении немецких евреев стали известны лишь недавно, когда были открыты архивы разведок Англии и Израиля.

Одесские праведники

Я хочу познакомить вас с историей "одесского Шиндлера" и его двух сыновей. Они не похожи на других спасителей евреев, действовавших под прикрытием дипломатических паспортов. Они никогда не обладали королевским или каким-либо другим иммунитетом. Но в течение двух с половиной лет они ежедневно и ежечасно рисковали своей жизнью, укрывая евреев. Они спасли жизнь 700 людям, страдавшим душевными болезнями, и военнопленным, из которых 300 человек были евреями. Профессор Евгений Шевалев с сыновьями пользовались безграничным доверием своих сотрудников и сами всегда могли на них положиться. Среди 67 человек персонала не нашлось ни одного предателя на протяжении всех 905 дней оккупации.

ЖЕЛТЫЙ ДОМ

Июль 41-го. Второй месяц идет война. Одессу бомбят. С фронта в город поступают раненые. Все городские больницы, клиники мединститута и ряд школ переоборудованы под госпитали и переполнены ранеными. Их эвакуация морем затруднена из-за непрерывных бомбежек дорог к портам Крыма и Кавказа. Большинство больных горожан давно покинуло больницы, чтобы освободить места для раненых. Все, кроме пациентов одного лечебного учреждения, которое располагалось в доме номер один на улице Полевой, пациентов Областной клинической психиатрической больницы № 1. Здесь находятся на лечении душевнобольные с недугами разной степени тяжести. Люди разной национальности, о которых все забыли. Персонал больницы, понимая, что эвакуации их пациенты могут и не дожидаться, обратились к родственникам больных с просьбой: разобрать по домам выздоравливающих и тех, у кого легкая форма заболевания.

Забрали 300 человек.

У главного врача больницы, профессора Льва Айхенвальда серьезный разговор с коллегой – заведующим кафедрой психиатрии Одесского мединститута, профессором Евгением Шевалевым.

- Нам следует предпринять нечто необычное, Евгений. Мы должны спасти вверенных нам больных людей. Гитлер с осени 40-го обрекает всех душевнобольных на эвтаназию. Что ждет наших пациентов, если варвары, каких не видало человечество, окажутся в Одессе? Абсолютно ясно, что нацисты сделают с нашими больными. А что ждет пациентов-евреев? Персонал?.. Через час я буду вынужден покинуть больницу – в обкоме мне не позволили остаться, я должен отправиться в эвакуацию. Занимайте мой кабинет, на столе лежит приказ о вашем назначении главным врачом...

МАШИНА УНИЧТОЖЕНИЯ

Оборона Одессы длилась 73 дня и ночи. Против 80 тысяч оборонявшихся сражалась немецко-румынская армия – в пять раз больше по численности. Ранним

Слободка, где расположена психбольница, и центр города соединены трамвайным маршрутом номер 15. Посетители, обращаясь к вагоновожатому, просили остановить "у желтого дома". Никто не говорил "сумасшедший дом", проявляя уважение к душевнобольным.

...

Транснистрия – это гигантское еврейское кладбище, где покоятся 330 тысяч человек, из них 223 тысячи – из Одессы. Второго такого кладбища нет нигде в мире.

...

Только за один день – 23 октября – в Одессе было уничтожено около пяти тысяч евреев. А потом были еще Слободское гетто, лагерь смерти в Богдановке, унесший жизни 54600 человек, Доманевка (20 тысяч), Ахмечетка и просто дороги смерти, где отставший или упавший после удара прикладом оставался лежать до тех пор, пока не становился добычей ворон.

...

ПРЕФЕКТУРА ПОЛИЦИИ г. ОДЕССЫ

УВЕДОМЛЕНИЕ

Доводится до сведения населения Слободки, где временно организуется „гетто“ для евреев, следующее:

Жители, которые откажутся впустить евреев в помещения, назначенные властями, или будут совершать акты насилия против евреев, а также те, которые будут заниматься торговлей драгоценными вещами между евреями и православными, будут судимы согласно военных законов и преданы смертной казни.

Префект Полиции
Полковник М. НИКУЛЕСКУ.

Бей жида - политрука,
рожа просит кирпича!

Кремль и коммунистическая власть в бесконечном сотрудничестве.

Кремль и коммунистическая власть в бесконечном сотрудничестве.

Бей жида - политрука,
рожа просит кирпича!

ЖИТЕЛИ ГОРАДА ОДЕССЫ!

Не выходите на строительство оборонительных рубежей.

Не верьте лживым словам Сталина о помощи вашему городу, Одесса окружена плотным кольцом немецких и их союзников войск! Вы хотите свободу и достойную жизнь? Тогда не слушайте большевиков, откажитесь им в помощи! Не бойте реж, траншей и прочие работы по безопасному укреплению города. Войска Германии оставили Одессу в глубоком тылу и продвигаются к Москве.

Германский Солдат-Освободитель уже стучит в ворота вашего города, пустите его и он вернет вам отнятую бандитами-коммунистами свободу! Мы гарантируем вам полную сохранность, но верьте, что германцы пришли убивать, мы пришли освободить и защитить вас.

утром 16 октября 1941 года от причалов порта и Ланжерона отошли последние суда с защитниками Одессы. Город с полумиллионным населением был оставлен на разтерзание врагу. К этому моменту в Одессе скопилось 200 тысяч евреев. Большую часть из этого числа составляли жители сел и районных центров Одесской области, беженцы из Винницкой области, Молдавии, Буковины и даже Львова. Многие участвовали в обороне города, работали на предприятиях, рыли окопы, строили баррикады на улицах и дзоты на перекрестках. Они надеялись, что власти успеют их эвакуировать, но такая возможность выпала не всем.

До того, как задымилась трубы крематориев, нацисты придумали другой способ массовой кремации людей. Их сжигали в одесских артиллерийских складах, загнав туда более 20 тысяч евреев. Живые костры из человеческих тел горели три дня и три ночи. Потом пожарище было отдано солдатне, они искали там "еврейское золото".

Если евреев не сжигали, их вешали: на деревьях одесских садов и парков были повешены пять тысяч евреев.

В январе, в лютую зиму 1942 года с ее жуткими ветрами при 25-градусном морозе оккупанты устроили на Слободке гетто, единственное на всю Одессу. Туда были под страхом расстрела переселены 100 тысяч одесских евреев.

Скученность в гетто была невероятная, а еще свою лепту вносили холод, голод, антисанитария. Смерть косила людей. На улицах лежали трупы. Убирать было некому. Замерзшие нечистоты образовывали горы. Воду получали из снега.

Ежедневно на железнодорожную станцию "Сортировочная" отправлялась колонна из двух тысяч евреев. Дорога была крутой, и по пути каждый раз погибали 200-300 человек, в основном пожилые люди. У них не было сил, чтобы преодолеть эту "дорогу смерти №1" длиной около восьми километров. Людей били палками, экономили патроны. Добравшихся до "Сортировочной" на сутки-двое запирали в вагонах. Трупы замерзших выбрасывали неподалеку. Уцелевших поезд отвозил на станции Веселиново и Березовка, где начинался их путь к лагерям в Богдановке, Доманевке, Ахмечетке.

Так работала машина уничтожения одесских евреев.

ОСТРОВКИ СПАСЕНИЯ

В этом кипящем котле смерти возникали "островки спасения". Сначала это были чердаки или подвалы, часто "забитые" ванными комнаты, где друзья-соседи прятали евреев.

Можно вспомнить об "одесских катакомбах", где 25 евреев организовали партизанский отряд и сами себя спасали от врага. О целом инфекционном отделении клиники Одесского мединститута, переименованное для острастки в "тифозный корпус", где заведующий кафедрой профессор Стефанский скрывал евреев. Но самым большим "островком спасения" был "желтый дом" на Слободке, где были спасены более тысячи людей.

В больнице осталось примерно 650-700 человек, 250-300 из них были евреи. Точных цифр не знает никто, как осталось неизвестным сколько евреев было среди

врачей, медсестер, санитаров, хозработников. Никто из них не оставил своего рабочего места.

В 200 метрах от главного входа в "желтый дом" находился главный вход в Областную клиническую больницу. 23 октября оттуда вывели несколько групп евреев – из числа персонала. Их, избитых, увели на Слободское кладбище и расстреляли. Всю дорогу несчастные кричали, что они медработники, что они помогали больным, спасали людей...

В психиатрической больнице № 1 такого не произошло. Потому что там работал профессор Шевалев. Он умел общаться с безумцами, умел остановить руку, готовую нажать на курок за миг до выстрела в незащитного больного или врача.

Рядом с профессором всегда оказывались его сослуживцы, становящиеся стеной перед входом в больницу. Никто из 67 человек не выдал тайну больницы. А она была! Истории болезней с еврейскими фамилиями были надежно спрятаны, на них и на евреев из персонала были заведены истории болезни с вымышленными фамилиями. Все сотрудники-евреи были размещены по палатам – среди беспомощных больных.

ЗАГОВОР МОЛЧАНИЯ

Постепенно некоторые больные и сотрудники с помощью друзей смогли приобрести "чистые" паспорта и покинули больницу. Но около 25-30 новых пациентов были госпитализированы во время оккупации – у некоторых людей не выдерживала психика.

В начале апреля 1944 года в городе появились воинские части отступающей немецкой армии. 9 апреля, за 20 часов до освобождения Одессы в психиатрической больнице появился офицер-эсэсовец с расстрельной командой – они собирались уничтожить всех больных. Навстречу эсэсовцам вышел профессор Шевалев. Он на отличном немецком языке выразил свой решительный протест, стал доказывать, что эти люди уже выздоровели, что они практически здоровы, он давно их вылечил и просто предоставил кров, опекает их – как добрый христианин. И отвечает за их жизни перед самим Господом!

Логика Шевалева на какое-то время остановила палача, и в этот момент ему

доложили о том, что на железнодорожном мосту появились русские разведчики. Нацисты без промедления покинули больницу. Наступила мертвая тишина. На несколько часов словно остановилось время. А вечером советские войска уже прошли мимо психбольницы.

Оккупация подорвала здоровье профессора, Евгений Александрович Шевалев ушел из жизни в 1946 году.

Он был скромным человеком и никому не рассказывал о том, как спасал жизни пациентов и сотрудников, он и не писал об этом никогда. Но и другие, те, кто знал о подвиге профессора, тоже не старались поведать о нем миру. Почему же подвиг Шевалева и двух его сыновей – Владимира и Андрея – замалчивался в течение 50 лет? Уж не потому ли, что большинство спасенных ими – евреи?

Никогда не говори:
«Пришел конец»,
Пусть уже почти не слышен стук
сердец.
Пусть свинцовой тьмою день
заволокло –
Все равно мы будем жить врагам
назло.
Из гимна Врейского Сопротивления

СЫНОВЬЯ-ГЕРОИ

В двухчасовой записи, которую Андрей Шевалев 20 ноября 1998 года сделал для Фонда Спилберга, он рассказал все, что знал о трагедии евреев Одессы, о деятельности своего отца. А 5 декабря Андрея не стало.

...

Лилия Раппопорт (по мужу – Золотаревская) живет с мужем в Нью-Йорке. Именно она стала первым человеком, благодаря свидетельству которой Евгений Шевалев и его сыновья были признаны Праведниками мира.

Старший сын профессора – Владимир Шевалев – доцент, хирург-офтальмолог, ученик профессора Филатова. В первых числах октября 1941-го глазной госпиталь Приморской армии, который он возглавлял, эвакуировался в Севастополь. Владимир работает там все девять месяцев, в течение которых город был в осаде. Они оказались в плену все вместе – в руках фашистов, захвативших Севастополь.

Началась жестокая селекция раненых. Открылся "сезон охоты" на евреев. Владимир по многу раз перепрыгивает евреев по разным подвалам, чердакам, тайным убежищам. Если кого-то обнаруживают, он доказывает, что они являются не евреями, а караимами или татарами. Так он дважды спас от смерти одесского врача-пульмонолога Лельчицкого, который впоследствии много рассказывал об истории своего спасения и Владимире Шевалеве.

Доктор медицинских наук, профессор Киевского медицинского института, главный врач киевской городской больницы №6 Владимир Шевалев ушел из жизни в 1978 году. Его имя носит больница, которой он руководил последние годы жизни.

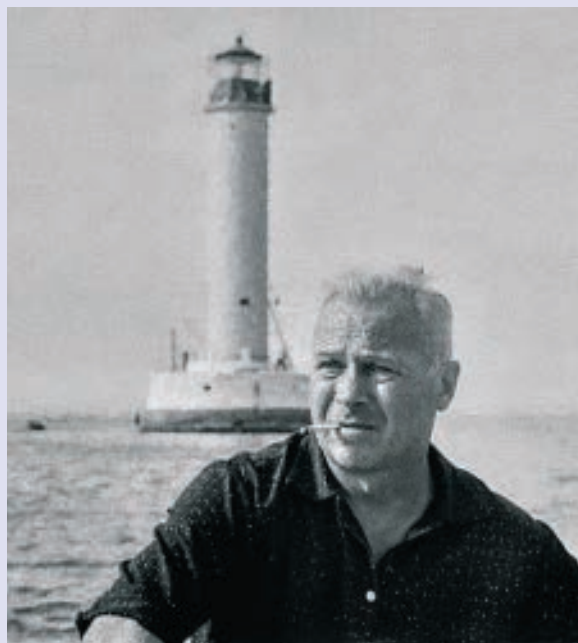
Младший сын профессора – Андрей Шевалев – к началу войны успел окончить четыре курса медицинского института. В дни обороны Одессы помогал отцу и брату по хозяйственным делам, доставал продукты питания, добывал и заготавливал топливо, воду, руководил больничными мастерскими. Он участвовал и в деле спасения евреев. Каким-то образом он ухитрился выдать более 50 справок о "православии" узникам одесского гетто, что дало им возможность уйти из гетто и выжить. Андрей спас Лилию

Раппопорт, с которой был знаком по госпиталю. Вот что он сам рассказал об этом случае.

- В марте 1942 года ко мне прибежала обезумевшая от горя и ужаса Лилия. Ее мать и тетю расстреляли в хуторе Стадная балка. Ей чудом удалось сбежать. Нужно было немедленно спрятать девушку. Я записал Лилию как больную в одно из самых тяжелых отделений для беспокойных душевнобольных под именем Лидии Прозоровой, украинской девушки, страдающей аутизмом. Он пробыла там всю оккупацию и осталась в живых. После освобождения Одессы она поступила в медицинский институт, стала врачом-психиатром. Вышла замуж и переехала в Киев. Они с мужем навещали моего брата...

По материалам газеты "Кстати" (Сан-Франциско)

Узница памяти Тамара Андриевская

Фашисты в Херсоне появились в августе 1941-го. Мама запретила мне выходить на улицу, но я ослушалась. У дома, прямо на земле, отдыхали четверо. Мне как-то странно было видеть обыкновенных людей: две руки, две ноги... Из-за них полгорода эвакуировалось, перестал работать папин пединститут, а сам папа, декан математического факультета, ушел в народное ополчение. Из-за них мой брат и муж старшей сестры на фронте. А эти что-то подстелили под себя и лежали, лениво разглядывая небо...

На следующий день в квартиру с грохотом вошли – другие, не те, но также по-хозяйски. Наставили автоматы на маму, меня и младшую сестренку: «Коммунист? Юде?»

Коммунистов и евреев сразу расстреливали.

Непрощенные гости оглядели квартиру и забрали то небольшое, что еще оставалось: котомки, которые мы с мамой собрали, готовясь в эвакуацию (не успели!), папин портфель с коллекцией марок.

Мне было не столько страшно, сколько стыдно. Я испытывала стыд из-за того, что мы остались в городе. Я же в первые дни войны побежала в военкомат, просилась на фронт, надеялась, что мне поможет отец моей подруги, он был военным. Но мне было только 14 лет, ответили: «Мала еще». Я ответила, что уже вступила в комсомол, только вот комсомольский билет не успела получить...

На второй или третий день я попала в оцепление. Немцы подгоняли людей к кинотеатру. Там вели председателя горисполкома. Выбили из-под его ног ящик – оборвалась веревка. Толпа облегченно вздохнула, но фашисты подошли к мужчине и выстрелили в него в упор...

Помню, фашисты долго не позволяли снимать с виселицы в центре города тела четырех повешенных. Мол, смотрите и бойтесь. У казненных на груди висели таблички, на которых было написано: «Так будет с каждым, кто окажет сопротивление».

Мы знали, где находятся военнопленные и искали возможность им помочь. Одна девушка выдавала себя за глухонемую – через нее мы передавали военнопленным бинты, медикаменты, которые удавалось собрать. Мама все думала, что среди них, быть может, и мой брат...

Это была такая подпольная комсомольская организация: на немцев мы не нападали, эшелоны под откос – мы просто помогали. Например, семьям фронтовиков. Кому продукты достанешь, кому постираешь или дров наколешь.

Однажды по улице вели колонну евреев. Я увидела в ней девочек, с которым училась в школе – Асю Ким и Хану Козинец. Подбежала к ним, но фашист оттолкнул меня прикладом. Больше я их никогда не видела...

Всех евреев согнали в гетто. Мы узнали, где их расстреливали. В трех местах. Мы бегали туда, надеялись, что кто-то остался в живых, что мы сможем кого-то спасти – бывали такие случаи. Но нас никуда не пропустили, охрана стояла в три ряда.

Маме удалось спасти несколько человек. Среди них была молодая женщина с сыном по имени Боря. Она родила его от профессора по фамилии Коэлис. Женщина приходила к нам и плакала, боялась, что фашисты заметят, что ребенок похож на еврея. Зареванная мамаша уходила домой, а Боря оставался на ночь у нас дома. Мама знала, что в дом, где рос маленький Боря, фашисты заглядывали часто, а в нашу квартиру могут и не зайти. Если бы кто-то донес, это кончилось бы плачевно для всех.

Когда мне было 15 с половиной лет, через два года после начала оккупации, меня угнали в Германию. Нас погрузили в товарные вагоны. Ехали мы около месяца. По пути на поезд напали партизаны, хотели нас спасти. Но охрана – немец и украинец-полицай – сумели отбить нападение.

Вот так, моя мама продолжала спасать знакомых, передавать передачи военнопленным, меня, ее дочь, к сожалению, не смогли отбить партизаны.

Почти два года я была в плену. Прошла через три лагеря. На одежде – номер и знак отличия, по которому узнавали, что украинка. Рядом дымились печи, в которых жгли людей...

Трижды я в чем мать родила стояла в колонне – немцы выбирали тех, от кого пора избавиться, выбраковывали не нужный им «товар». Трижды смерть обошла меня стороной. Выжившим было стыдно перед теми, кого отправляли в печи...

Однажды, в конце 1944 года, когда бомба упала рядом с лагерем, меня послали на разборку завалов. От тяжелой работы я потеряла сознание. Меня унесли на носилках. Тогда-то меня и увидела семья русского профессора, которая эмигрировала в Германию во время гражданской войны. Профессор договорился, и ему позволили взять меня «на поруки» и подлечить. В лагере меня никто бы не лечил. Там все заболевшие были обречены на смерть. А

В первых числах сентября 1941 года в Херсоне немцы создали гетто; все евреи были согнаны в район рынка (четырех Фордштадских улиц), откуда они не имели права выходить ни днем, ни ночью. С 16 сентября начались расстрелы еврейского населения. За 31 месяц оккупации в Херсоне было уничтожено около 17 тысяч евреев.

меня пытались спасти. Это очень важно – знать, что кто-то, кроме тебя, хочет, чтобы ты жил. От этого силы появляются. Даже если кругом война...

Я прожила у них полтора месяца. Помню, у этой семьи было кроличье хозяйство. Как-то белая крольчиха мне на колени взобралась и прижалась, а я расплакалась.

Страшно было возвращаться в лагерь. Профессор пытался мне помочь. Они сами собрались уезжать на Запад и оформили меня, будто я из Западной Украины. Но в пути патруль меня обнаружил и снял с поезда, меня снова отправили в лагерь...

16 апреля 1945 года начался обстрел. Нас освобождали три дня. Земля дрожала. Было такое чувство, будто наступил конец света. Нас загнали под землю. Бункер разрушился, и узники оттуда подались в лес, пытались спастись, но в них попала бомба, все погибли. Если бы меня не ранили (в руку и ногу), я бы тоже была с ними...

Из-за ранений я попала в лазарет. Оттуда меня отправили оформлять протоколы на заключенных. Меня оформили как вольнонаемную. Мне в то время уже исполнилось 18 лет.

Когда в июле 1945-го я в военной форме появилась в Херсоне, мама меня сначала не узнала, а потом закричала: «Томка, ты?!» и упала в обморок.

Вот как и запомнился мне один из самых счастливых дней в моей жизни: запах нашатыря, пустая однокомнатная квартира и вешалочка деревянная с какой-то одеждой.

В освобожденном городе мне было трудно с моим прошлым завоевать доверие. У меня есть стихотворение, я сама его написала, в нем такие строчки: «Чувство «узник, а не человек» нам не изжить из прошлого...»

Мы, такие, как я, всю жизнь ощущали себя людьми второго сорта. Хотя я многого добились, получила три высших образования, а все равно...

На фронт меня не взяли по малолетству, а когда я после войны захотела получить тот комсомольский билет, который мне не успели выдать в 1941-м, меня стали проверять: истинный ли я патриот, люблю ли я свою Родину. Пришлось оправдываться за то, что я оказалась сначала в оккупированном городе, а потом – в лагерях...

Многие люди из числа тех, кому я помогала, выступили в мою защиту. Они подтвердили, что я «вела себя честно, за рейхсмарки совесть свою не продавала».

Но, в конце концов, в 1946 году мне все-таки выдали комсомольский билет. Говорят, учли заслуги моей мамы, спасшей много людей. Думаю, мама меньше всего думала о таком повороте судьбы.

Этот комсомольский билет мне помог. Потому что много было и тех, кто хотел попрекнуть меня «подозрительным» прошлым.

До войны у нас была большая дружная семья. Брат погиб. Муж старшей сестры был летчиком – его сбили под Харьковом. Отец погиб в ополчении. Словом, мы потеряли всех мужчин в нашей семье. Мама была художницей. Всю войну она выменивала свои работы на продукты.

Будущего мужа я встретила, когда училась в Москве. Владимир Абрамсон учился тогда в военной академии. Мы три года встречались, но только на последнем курсе зарегистрировали наш брак. Не спешила я потому, что боялась со своей биографией узницы испортить ему военную карьеру. Документы спрятали, чтобы трое наших детей не узнали правду. Только в 1968 году, когда мужу сделали серьезную операцию, он предложил рассказать обо всем нашим детям...

У нее была престижная работа – в одном из московских главков. Сегодня Тамара Андриевская является председателем Казахстанской ассоциации бывших узников фашизма (КАБУФ). После смерти мужа ее главной целью стало – успеть. Успеть закончить альбом с фотографиями и рассказами о судьбах таких, как она, узников, прошедших через лагерь смерти – в Алматы их сейчас осталось восемьдесят человек.

Она придумал себе такую работу. Верит, что это нужно подросткам. Из-за этого не поехала в Германию на встречу со своим прошлым, хотя получила приглашение. Все деньги, которые получила по случаю Дня Победы, потратила на альбом. Готово 170 страниц. Осталось 30. Произошла задержка: в процессе работы над альбомом на нее нахлынули тяжелые воспоминания, и случился микроинсульт.

Тамара Владимировна не сдастся. Она продолжает работу над альбомом и в свои восемьдесят с лишним лет находит силы и время бороться за права узников, которым до сих пор приходится защищаться от попыток бюрократов хоть в чем-то ущемить их права.

Памятный камень возле Херсонского пивзавода, на углу улиц Дружбы и Красностуденческой. При рытье котлована для сооружения жилого дома экскаватором была разрыта траншея, в которой найдены человеческие останки – 1276 мужчин, женщин, детей от 4 до 5 лет. По архивным данным – в основном евреев. После экспертизы останки перезахоронили на местном кладбище, а на месте их извлечения 13 марта 1966 года был установлен памятный знак.

В уничтожении евреев не было никакой логики

Давид Бен-Гурион

Отношение гитлеровцев к евреям оставалось непонятным никому в мире, включая самих евреев. Иногда их политику толковали, как некий маневр нацизма, позволявший списывать социальные трудности на зримого врага и натравливать на евреев злобу народов, уставших от мировой войны; иногда видели в гитлеровском антисемитизме своего рода поиск объекта, необходимого для сплочения германского общества. Ну, и так далее.

Повторяю, даже евреям не входило в голову, что их уничтожают примерно так, как ацтеки или инки приносили на алтарях человеческие жертвы из разряда покоренных племен. Религиозное восприятие мира настолько казалось в XX веке ушедшим в прошлое, а тем паче всякое восприятие людских жертвоприношений...

Разведка союзников докладывала начальству добытую информацию, очевидцы передавали факты на высший уровень мировой элиты – но там все равно никто не мог поверить... Получателям информации виделось, что зверские расправы с евреями есть, видимо, крайняя форма тирании, какой-то аналог сталинского террора. Не более того...

Евреи часто любят говорить об "уникальности гитлеровского геноцида", но уникальность его состоит вовсе не в особой жестокости или в тотальности убийств. Турецкое

истребление армян было не меньшим по жестокости. Но в нем все-таки ощущался некий военный смысл: турками и курдами уничтожался возможный враг, возможный источник бунта, возможный источник национального протеста, опасного для воюющей империи. Таким же виделся миру и сталинский террор: Кремлем уничтожались потенциальные враги режима плюс мобилизовались даровые рабочие руки, которые бесплатно делали необходимую начальству работу – причем в нужном для режима месте. То есть можно было что-то, как-то объяснить, хотя бы понять мотивы, зачем именно вершат убийства беспощадные палачи.

Но мотивы гитлеровцев выглядели вовсе невозможными: в раскале войны, когда Германии не хватало рабочих рук, когда рабов там миллионами завозили из оккупированных областей СССР, черные СС истребляли миллионы готовых рабочих рук у себя же в тылу. Когда не хватало солдат на фронте, нацисты держали немалые части отборных палачей у себя дома (Маутхаузен, скажем, охраняло 10 тысяч человек в форме). Не хватало вагонов для подвозки боеприпасов (представьте, сколько требуется транспорта, чтоб перевезти миллионы эзков в лагеря), забивались пути, ведущие из тыла на фронт, – но кто-то фанатично занимался истреблением евреев, которых, в конце концов, если уж так в душе зуделось, можно было истребить позже, после победы... Смысла не видели в этом действе даже ветераны-нацисты, которые объясняли в докладных записках на имя фюрера, насколько сие массовое убийство вредит рейху. Но их никто не слушал и не слышал...

Вот поразительные свидетельства заблуждений того времени.

Беженец-еврей, оказавшийся в Соединенных Штатах, добрался до весьма высокого уровня власти – до члена Верховного суда Феликса Франфуртера, еврея, видного деятеля сионистского движения (в полутора кварталах от моего дома в Иерусалиме есть улица Франфуртера). Беглец рассказал земляку все, что видел собственными глазами.

– Я понимаю, что вы верите в то, что говорите мне, – ответил ему праведный судья. – Но, простите, я в это поверить не могу.

Гитлер

Второй случай: 9 мая 1945 года лидер палестинских сионистов Бен-Гурион встречал в ликующем Лондоне. Он записал в дневнике: "Все радуются, я один печален. Только сегодня я понял, что надежды нет, что все евреи убиты". Только 9 мая 1945 года самый пронзительный политик в среде еврейства, наконец, уверился, что евреев Европы не угоняли на какие-то секретные объекты, что местом назначения этапов была газовая камера. Только после войны Бен-Гурион поверил, что евреев убили!

Из книги Михаила Хейфеца
"Арабы и евреи: конфликт культур"

Сталин

Геноцид армян в Турции

Судьбы Холокоста

№3